

Альманах Муз

№1 (2008)

55 летию ДГМА
посвящается

Живое слово

(сотрудники и
преподаватели ДГМА (КИИ))

Танец души

(студенты и выпускники
ДГМА (КИИ))

Продолжается жизнь бесконечно

(гости альманаха)



ДГМА



Посвящается 55-летию
Донбасской государственной
машиностроительной академии

Альманах Муз

Стихи, эссе, рассказы, обзоры

Краматорск 2008

ББК 84
УДК 82-1/-9

Альманах муз



А 57 Альманах муз : стихи, эссе, рассказы, обзоры. – Краматорск :
ДГМА, 2008. – 106 с.
ISBN 978-966-379-297-2

Представлено литературное творчество преподавателей, студентов, выпускников ДГМА (КИИ) и гостей Альманаха.

Отражена литературная жизнь Академии и города в исторической ретроспективе.

Читатели могут познакомиться с произведениями прозаиков и поэтов Краматорска, оценить первые пробы пера молодых авторов.

Предназначен для широкого круга читателей.

ББК 84
УДК 82-1/-9

ISBN 978-966-379-297-2

© ДГМА, 2008

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!



Ректор Донбасской государственной машиностроительной академии проф. Федоринов В.А., выпускник КИИ 1972 года.

В жизни Донбасской государственной машиностроительной академии произошло важное событие – вышел в свет «Альманах муз». Перед вами – его первый выпуск, приуроченный к 55-летию юбилею нашей Академии.

Решение о систематическом издании сборника изящных искусств в техническом вузе, каким является Академия, продиктовано историей ее развития, духом творчества, пропитавшим ее стены.

Донбасская государственная машиностроительная академия начала свою деятельность в декабре 1952 года как вечерний филиал Донецкого политехнического института. С 1960 года – Краматорский индустриальный институт, а с 1994 года – современное название. Имеет IV – высший уровень аккредитации.

Создание в г. Краматорске, национальном центре тяжелого машиностроения Украины,

индустриального вуза стало значительным событием в истории Донбасса. Обеспечив в послевоенные годы специалистами восстановленные промышленные гиганты Украины – НКМЗ, СКМЗ, КМЗ, КЗТС и др., новый вуз в дальнейшем оказал большое влияние на жизнь региона, развитие и поддержание на высоком уровне интеллектуального потенциала городов и предприятий северной части Донбасса.

Немногим более чем за полвека школу КИИ – ДГМА прошли около 32 тыс. молодых людей, ставших квалифицированными специалистами, успешными руководителями, учеными. А в Краматорске трудно найти семью, которая каким-либо образом не была бы связана с ДГМА. Жизнь и деятельность, прошлое и настоящее Академии тесно переплетены с судьбами горожан нашего города и региона. Мы испытываем гордость за Alma mater, пусть еще молодой, но уже известный вуз в Украине и далеко за ее пределами, за то, что тысячи наших выпускников самоотверженным трудом восстанавливали и развивали отечественное тяжелое машиностроение и металлургическую промышленность – основу могущества государства.

Сегодня Академия переросла те задачи, которые были поставлены в период ее создания, превратилась в крупный, динамично развивающийся вуз, пользующийся авторитетом в Украине и за ее пределами. К настоящему времени Академия стала не только образовательным и научным центром государственного значения, важным звеном машиностроительного комплекса Украины, но также культурным и спортивным центром региона. В то же время ДГМА остается основным поставщиком конкурентоспособных инженерных кадров машиностроительных и металлургических специальностей для



подавляющего большинства предприятий региона. На многих из них от 50 до 75% специалистов с высшим образованием являются выпускниками ДГМА. Это они сейчас результатами своего труда на Ново-Краматорском машиностроительном заводе и других предприятиях региона составляют достойную конкуренцию специалистам ведущих фирм мира.

Гордость Академии – ее ученые и преподаватели. Многие десятилетия, создавая славу Академии как надежного вуза, в котором можно получить достойное образование, своим упорным и вдохновенным трудом слаженный ансамбль педагогов вкладывал свои знания, опыт и душу во все поколения выпускников. В краматорском вузе всегда умели и любили работать с молодежью, всегда умели давать глубокие знания, учить сложнейшей профессии и воспитывать настоящих людей.

Открывается новая страница истории Академии, и ее никак нельзя отделить от истории Донецкого края, истории Украины, процессов, протекающих в нашем обществе и Европе.

Сегодня ДГМА является участником мероприятий, связанных с европейской интеграцией, в том числе и в рамках реализации Болонской конвенции. Осуществляется структурная перестройка образования, идет поиск оптимальных схем подготовки специалистов и места учебных заведений всех уровней в образовательном пространстве. Безусловно, это касается и всех участников подготовки специалистов по машиностроительному профилю, включая вузы, колледжи и техникумы, учебные заведения профессионально-технического образования.

Академия упрочняет свои позиции и занимает достойное место среди ведущих технических вузов Украины. В вузе проводится большая работа по развитию интеллектуаль-

ного и духовного потенциала молодежи. И результаты творческой, научной деятельности студентов и преподавателей вызывают уважение и восхищение.

Удивительное сочетание техники и лирики – отличительная черта нашего вуза. В Академии много внимания уделяется поддержке и развитию творчества в среде студенчества и профессорско-преподавательского состава. На базе Академии открыта Творческая гостиная. Здесь регулярно проводятся выставки художников, фотохудожников, мастеров декоративно-прикладного искусства, которыми так богата наша Академия. Продуктивно и вдохновенно работает литературное объединение «ГЛЮРУМ». Издаются авторские сборники стихов преподавателей ДГМА. Газета «Академия» традиционно публикует страничку «Под сенью муз», в которой представляют свои работы студенты, преподаватели и сотрудники вуза. Наши поэты и писатели широко известны в литературных кругах Краматорска и Донбасса.

Поздравляю преподавателей, сотрудников и студентов Академии, творческих людей г. Краматорска, получивших возможность опубликовать свои произведения на страницах первого выпуска альманаха и приглашаю к сотрудничеству с литературным объединением «ГЛЮРУМ», редакцией газеты «Академия» и альманахом всех талантливых молодых людей Академии, школ, а также известных поэтов, писателей и художников Академии, города Краматорска и его региона. Мы всегда рады новым открытиям и достижениям творческих личностей.

Желаю творческих успехов и покорения высот в искусстве!

Ректор Донбасской государственной машиностроительной академии
проф. Федоринов В.А., выпускник КИИ 1972
года.

СОНЕТЫ О МУЗЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Начало литературной деятельности в Академии (КИИ) можно отнести к концу шестидесятых годов минувшего, двадцатого века, когда на кафедре иностранных языков был организован кружок любителей поэзии, которым руководила преподаватель английского языка Лариса Алексеевна Линёва. Стихи студентов и преподавателей публиковались в выпусках стенгазет, а некоторые – на страницах «Краматорской правды».

Лариса Алексеевна, кроме того, изучала со студентами китайский язык, интересовалась произведениями иностранной литературы. Первой публикацией для КИИ явилась небольшая книжка стихов Ларисы Линёвой, которая вышла в Донецком книжном издательстве в 1962 году под названием «Лирика», объёмом 24 страницы и тиражом 2200 экз. Это были стихи о городе, о любви, о природе.

Через три года заведующий той же кафедрой Константин Иванович Мищенко опубликовал сборник новелл в Донецком издательстве «Донбасс», объёмом 32 страницы и тиражом 15 тысяч экземпляров, под общим названием «Ветка белой сирени». В новеллах описывались события войны, трудовых будней, а также лирические зарисовки школьной и студенческой жизни. Константин Иванович дружил с поэтом-фронтовиком Крама-

торска, капитаном артиллерии Николаем Александровичем Рыбалко, который охотно встречался со студентами и преподавателями института и руководил городским литературным объединением при газете «Краматорская правда».

Некоторые сотрудники и студенты института посещали занятия этого литературного объединения и принимали участие в подготовке и проведении поэтических вечеров, встреч с учащимися краматорских школ и рабочими заводов города.

После перестройки это направление культурной работы в городе ослабло, а после исчезновения Советского Союза исчезла и идеологическая направленность литературной деятельности, и поэты были предоставлены сами себе, т.е. была ослаблена мотивация к разным объединениям, и поэты и авторы вообще вернулись к своему естественному состоянию: к свободному творчеству.

Первой из сотрудников института стала на эту тропу выпускница нашего института, инженер по образованию, художник и литератор по призванию – Татьяна Александровна Лукьянова, которая с помощью спонсоров в Донецком областном управлении по печати в 1992 году выпустила сборник лирических стихов «Обыкновенное» объёмом 100 стра-

ниц и тиражом 5000 экземпляров. Кроме того, Татьяна Лукьянова пыталась издавать ежемесячный журнал под названием «Новый свет», который, к сожалению, вышел одним номером и небольшим тиражом.



Примерно в этот же период развил активную издательскую и творческую литературную деятельность учёный нашей академии, профессор, доктор технических наук, действительный член Нью-Йоркской академии наук, кавалер многих престижных международных званий: «Человек 1999 года США», «Международный человек года» (Кембридж, Англия), «Выдающийся деятель 20 столетия» (Кембридж, Англия), изобретатель СССР – Борис Аркадьевич Брусиловский. Как пишет о себе сам Борис Аркадьевич: «Благодаря инициативе поклонников моей поэзии и при поддержке ректората института были изданы сборники стихов «Спешите дарить добро», «Сближение сердец», «Горение» и два сборника стихов для детей «Мир прекрасен, посмотри!», «Понемногу обо всём». В настоящее время Борис Аркадьевич живёт в Израиле, публикует стихи в русскоязычных газетах и журналах Израиля и США, стихи на украинском языке печатались в международном журнале «Соборність». В Израиле изданы два сборника стихотворений Бориса Аркадьевича Брусиловского, и он принят в члены Союза писателей Израиля. Кроме того, Борис Аркадьевич является участником нашего литературного клуба «ГЛОРИУМ», присылает нам свои новые стихи, которые охотно публикует газета «Академия».

Не менее значительного литературного успеха достиг выпускник нашего института, ныне заведующий отделом Краматорского городского совета – Владимир Фёдорович Коцаренко, лауреат Литературной премии имени Виктора Шутова (Донецк, 1990г.), отмеченный золотым нагрудным знаком «Журналист года» (Краматорск, «Технополис», 2001г.), автор двух фундаментальных трудов по истории Краматорска: «Краматорск: забытые страницы истории», (1999г.) и «Краматорская быль» (2002г.). Авторитет и заслуги Владимира Коцаренко получили заслуженное признание в Донецкой области и за её пределами, а презентации обеих книг автора были проведены в литературном клубе «ГЛОРИУМ» ДГМА.

Кроме названных авторов, за десять лет деятельности литературного клуба «ГЛОРИУМ», при поддержке ректората и в первую очередь ректора ДГМА Владимира Анатольевича Федоринова, увидели свет книги произведений Анатолия Кибирева, Алины Остафийчук, Игоря Шередеко, Сергея Шишкина, Олега Максименко и других авторов, и в настоящее время библиография произведений участников литературного клуба «ГЛОРИУМ» насчитывает более двадцати книг.

Выпуск литературного альманаха академии приурочен к 55-летию академии, и, надеюсь, будет способствовать дальнейшему совершенствованию литературного творчества преподавателей, сотрудников и студентов Академии и укреплению не только учебных и научных, но и литературных достижений Донбасской государственной машиностроительной академии.

Анатолий Кибирев,
преподаватель кафедры МТО,
руководитель литературного клуба
«ГЛОРИУМ».

6



ЖИВОЕ



СЛОВО

*Сотрудники и преподаватели
ДГМА (КИИ)*



Лариса Линева

В Донецком книжном издательстве в августе 1962 года вышла небольшая книжица стихов преподавательницы кафедры иностранных языков нашего института Линева Ларисы Алексеевны, под кратким названием «Лирика», тиражом 2200 экземпляров. Кроме преподавания английского языка, Лариса Алексеевна в то время вела кружок поэзии и изучения китайского языка. Этот автор, можно сказать, вписал первые строки в литературную страницу Академии. И ее сборник стал первым шагом на большой дороге поэзии в нашем вузе.

Хозяин неба

Зеленоватая рубашка,
И на погонах звездный строй,
Осколок неба на фуражке,
Но парень сам такой земной.
Как будто он нигде и не был,
И не нырял за облака...
Идет земной хозяин неба
На свет родного огонька.
А в синеве притихшей ночи,
Не потревоженной ничуть,
Остался между звездных строчек
На небе новый Млечный Путь.

Зори

Огни в рассветной дымке тают,
И звезды падают в росу.
Над степью утро расплетает
Свою багряную косу.
И, как всегда, с металлом споря,
В мартены втиснув солнца жар,
Встречает утренние зори
Зарею плавок сталевар

Слово к живым

Во сне приходят мертвые живыми —
Как будто не пробил их смертный час.
Отважными и вечно молодыми
Они хранятся в памяти у нас.
Они везде: и далеко, и близко —
И на чужой земле, и на своей,
Над их сердцами встали обелиски,
Их кровь впитали тысячи полей.
Но вновь и вновь по тем же
самым тропам
Они идут на свой последний бой,
Они спешат на танки и в окопы,
Что стали их нелегкою судьбой.
И проходя военного дорогой,
Средь обгоревших стебельков травы,
Они сегодня спрашивают строго:
Что сделал ты, живой среди живых?

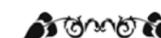


Поэски

Чтоб зазвучало в рифме слово,
И мыслей ход был ярко прост —
Мы все впитать в себя готовы
И нежность зорь,
и свежесть рос,
Журчанье рек и вздохи ветра,
Колосьев тихий разговор,
И километры, километры —
Моей родной земли простор...
И снова сборы в путь далекий,
И радость этого пути.
Бегут, бегут в блокнотах строки,
Чтоб строчку нужную найти.



Дыханьем домен зарумянен ярко
Темнеющий вечерний небосвод.
Над зеленью разросшегося парка
Уперся в небо трубами завод.
Там льют чугуны,
Там сталь в мартенах спеет,
Чтобы из леток хлынуть на заре,
И умирают огненные змеи,
Сползая вниз по шлаковой горе.
Хоть сталевары взмокли и устали,
Им до утра сегодня не уснуть.
Застынет шлак, а труд людской
В металле
Продолжит путь.





Константин

Мищенко

Одним из основоположников литературных традиций нашего вуза стал Константин Иванович Мищенко. Свои первые рассказы принес он на суд литературного объединения при газете «Краматорская правда» в послевоенные годы. Лучшие из них были опубликованы. Позже его новеллы стали появляться на страницах областных и республиканских газет, читались по радио и телевидению, печатались в альманахе «Донбасс».

В 1965 году заведующий кафедрой иностранных языков Константин Мищенко издал сборник новелл «Ветка белой сирени» (Издательство «Донбасс», 15000 экземпляров).

Ветка белой сирени

Цветы. Казалось, люди сорвали все, сколько их росло на земле, и принесли с собой. Встречали солдат. На обветренных лицах сияли улыбки. А на груди сверкали награды. Солдатам дарили цветы.

Цветы. Они были разные: голубые и красные, желтые и розовые. Но мне запомнились в тот день другие.

Я держался за руку матери и пристально смотрел вокруг, пытаюсь увидеть своего отца. Он появился неожиданно — высокий, плечистый, с усами — поднял меня и высоко подбросил.

— Гвардеец, — сказал он, смеясь, — настоящий гвардеец.

Вокруг нас обнимались, что-то кричали друг другу, плакали и смеялись люди. Над всем этим гремел оркестр...

— Сынок, ты там такую фамилию не

чув?.. Кравчук Мькола? У сорок першому пишов...

Перед нами стоял старик. Он с надеждой смотрел на отца, а его большие сморщенные руки сжимали веточку белой сирени.

— Мьколой его звали, — как-то робко, словно боясь помешать нам, пояснил он отцу.

— Не приходилось, батя, — вздохнув, ответил отец. — Не встречал. Еще многие не приехали, вернется и ваш сын.

Когда мы далеко ушли от вокзала, я обернулся. Старик, согнувшись, стоял одиноко на опустевшем перроне. Потом я несколько раз приходил на вокзал, но больше не видел его. А вскоре мы переехали в другой город.

Годы... Как быстро проходят годы! Они напоминают мне журавлей, проле-



тающих надо мной каждую осень. Только журавли возвращаются. А годы...

Кажется, вчера я был беззаботным мальчишкой, гонял голубей, лазал по чужим садам и дрался с мальчишками. И вот уже позади служба... Поезд мчал меня домой, в Донбасс. На маленькой, но шумной станции с вопросительным названием «Звїдки» я вышел из вагона купить папирос. Было тепло. Светило солнце. Раздавались песни и звонкий смех девочек, уезжавших на стройку. Захлебывалась гармошка. Какой-то парень, выбивая каблуками дробь, отплясывал гопак и,

смешно задрал рыжую голову, выкрикивал:

— Эх, давай, давай, не задерживай!

— Солдат, — услышал я слабый голос за спиной. — Послухай, солдат. Ты там такую фамилию не чув?..

Я повернулся и увидел согнутого от времени человека. Он смотрел на меня выцветшими глазами и тихо повторял:

— У сорок першому пишов. Можэ, чув?

— Вернется твой сын, дедушка, — ответил я.

— Да, да, вэрнэться, — шамкал старик.

— Вин оцю сирень садыв, повэрнэться...



Борис Брусилловский

Родился в 1928 году в Киеве, в семье служащих. С 1952г. по 2000г. жил и работал в Краматорске. Первые поэтические сборники «Спешите дарить добро», «Сближение сердец» и «Горение» были изданы в ДГМА при поддержке ректората Академии. В настоящее время проживает в Израиле, публикует стихи на русском и украинском языках в израильских журналах и газетах и в русскоязычных газетах США. В Израиле изданы два сборника стихотворений.

Является членом Союза писателей Израиля, доктор технических наук, действительный член Нью-йоркской академии наук, удостоен почетных званий: «Человек 1999 года

США», «Международный человек года», «Выдающийся деятель XX столетия» (Кембридж, Англия).

Да здравствует жизнь!

Спасибо, Всевышний! Проснулся и рад.
Настроился сразу на праздничный лад.
Какое везение! Жив я! Живу!
Не в мире загробном, а здесь, наяву!
Мне семьдесят с гаком. Но я на плаву!
Прочь мелочи быта! Ликую! Живу!
Высокие чувства в себе не глушу.
Мир, здравствуй! Тебе поклониться спешу!
Всё сущее в мире – моё! Это я!
По крупному счёту – стихия моя.
И солнце, и море, проблем остриё...
Живу я! А значит всё это моё!
Любимые предки! Подумал с утра:
«Живу я Сегодня за ваше Вчера.
Что вы недобрали – хочу я добрать,
Что вы недодали – хочу миру дать!
Для полного счастья немало причин.
Ещё потому, что женат – не один!

Мне надо продлить родословную нить!
Ещё своих внуков я должен женить!..
Немало друзей. С ними всё по плечу!
Приветствовать их я стихами хочу.
Да здравствует жизнь! Не хныкать, не ныть,
А каждым мгновеньем её дорожить!»

Весна

Под небом Ближнего Востока
Ночами маюсь. Не до сна.
И вдруг, как при ударе тока...
Я понял всё: пришла Весна!
Но где природы пробуждение?
Ручьи? Потоки вешних вод?
Садов весеннее кипение?
Грачей веселых хоровод?
Весны приметы. Неужели
Весна пропала? Не поймут.
Где блики радужной капли?
Лесных подснежников салют?
Где гроздь маслянистых почек?
Где первый трепетный листок?



В глазах темно. Не вижу строчек.
Я от волнения занемог.
Друзья мои! Авторитеты!
Прозрел! Исчезла пелена!
Здесь круглый год весны приметы.
Здесь – чудо! Вечная весна!
Инстинкты прежнего истока...
Прости меня, далёкий край!
Твою весну по воле рока
Я променял на здешний рай.

Стихи о деньгах

В той прежней жизни мы не богатели.
Украдкой не считали барыши.
«Богатство – зло!» – твердили с колыбели.
За честный труд – ничтожные гроши!
Такими были. Так нас воспитали.
Богатство? Деньги? Мысли не о том.
Влекли нас романтические дали.
Труд. Только труд. А платежи потом.
Мы не дружили с денежным карманом.
К статьям расхода не были строги.
Мы одержимо мчались за туманом
И за пьянящим запахом тайги!
Израиль. Гимны денежному благу.
Я в антимире. Деньги. Барыши.
За «просто так» не сделают и шагу
Врачи, певцы, тем паче торгаши!
Лишь только деньги. Денежные знаки.
Кредитный бум. Финансовый психоз.
Не размышляют, где зимуют раки.
Не дарят миллионы алых роз.
Пусть в чём-то не согласны оппоненты.
Критерии мелькают: те, не те.
Уверен, что пора сместить акценты
Поближе к бескорыстной доброте!
Сместить акценты, хоть в какой-то мере,
Чтоб не давило золото-серебро.
Чтобы огонь горел в духовной сфере,
Без денег чтобы сеяли добро.

Над морем вереница журавлей

Где «пышное природы увядание»?
Лишь лето: то прохладней, то теплей.
Когда же осень? Вот она. Внимание!
Над морем вереница журавлей.
Я вижу клин посланцев Украины.
Ах, как волнует памятный узор!
По воле рока в наши Палестины
Летят они ветрам наперекор.
Клин журавлиный – добрая примета.
Мне птиц полёт не кажется чужим.
Два места на планете: то и это.
Открытый и безвизовый режим!
А не пора взглянуть на правду шире?
Свобода птиц. Что может быть мудрей!
Вы посмотрите! В журавлином мире
Нет войн, террора, запертых дверей.
Хотел бы я по небу рядом с Богом
Без виз и без таможенных услуг
Летать по птичьим правильным дорогам:
Весной – на север, а зимой – на юг.
Весной бы полетел на Украину,
Спасаясь от тоски и от жары.
Зимой бы примкнул к большому клину
И полетел в библейские миры...
Летят над морем птичььи вереницы.
Пусть это бред, но попросить хочу:
«Меня весной позовите, птицы!
На север вместе с вами полечу!»



Анатолий Кибирев

Старший преподаватель кафедры МТО ДГМА.

Стихи публиковались в городской и областной печати. Автор двух поэтических сборников стихов и песен – «Слово-песнь потомка Бояна» (1995г.) и «Каяла – река памяти» (1997г.). Подготовил к изданию поэтический перевод-пересказ «Слово о полку Игореве» на основе новейших комплексных исследований «Слова...» отечественными и зарубежными учеными, материалов научно-практической конференции «Слово о полку Игоревім та його вивчення у вищій та середній школі» (г. Славянск, 2000). Является сменным редактором газеты «Академия» и руководит ли-

тературным объединением Донбасской государственной машиностроительной академии «Глорум».

Vivat, Akademia

DGMA!

Вся жизнь Человечества движется знанием,
от первых костров до полетов космических!
Наука навеки останется знаменем
великих открытий и дел исторических!

Пр.: Vivat, Akademia DGMA! Vivat,
alma mater!

В твоих достижениях мужает характер!
Ты – мысли научной искрящийся кратер!
Vivat, Akademia DGMA! Vivat, alma mater!

Здесь учат студентов, как строить машины,
расчеты ведут в экономике точные!
Здесь парни становятся супер-мужчинами,
и девушки все – симпатичными очень!

Семестры и сессии здесь, в Академии,
помогут добыть нам глубокие знания,

мы в будущем нашем сегодня уверены,
добудем еще и доцентские звания!

Здесь, в Храме Науки, от смертного
к смертному
бессмертного знания проложен маршрут.
И к поиску истин, порой незаметному,
умы молодые упорно идут!

Заводы и фирмы в родном Краматорске
и все города в регионе Донбасса
во все времена, и простые, и острые,
снабжаешь ты кадрами высшего класса!

Вся жизнь Человечества движется знанием,
идет к Ноосфере, поднятой Атлантами!
Красна Академия стенами зданий
И славиться будет своими талантами!



50-летию Донбасской государственной
машиностроительной академии

Золотой юбилей академии

Новый год! Новый век!
Стук сердец, бой часов,
звон бокалов
и брызги шампанского,
а Земля, как корабль,
совершает пробег
по орбитам
пространства гигантского!

Сколько лет, сколько зим
всё летим и летим,
приближаясь
к неведомой цели!
И Элладу, и Рим,
и века, что за ним,
и двадцатый –
уже пролетели!

Сколько войн и потерь
вспоминаем теперь:
от Каялы
и Чудского озера
до боёв на Днепре,
и на Волге-реке
и сражений
на Висле и Одере,

нашу мирную жизнь
и мечту-коммунизм,
Первомай
и улыбку Гагарина,
стройотряд, Казахстан
и Кабул, и Афган,
и Союз, перестройкой разваленный.

О, коллеги-друзья!
Рассказать всё нельзя,
что душевною

памятью полнится:
сколько было идей,
сколько было людей –
пусть сегодня
всё сердцем вспомнится!

Пусть, не веря годам,
все придут в гости к нам.
Юбилей
вместе с теми отпразднуем,
кто открыл институт,
кто состарился тут,
кто работал
и сердцем, и разумом!

Кто возвёл корпуса,
Посадил зелен-сад
И украсил теперь территорию,
Кто печатал труды,
Воплощая мечты –
Все войдут в золотую историю!

Все мы вместе летим
сквозь космический дым,
сквозь остатки
какой-то туманности!
Мы, как звёзды, сгорим,
но оставим другим
пожеланье
любви и гуманности!

В нас – весь Космос, весь Мир,
мы – частица Земли,
осознавшая
цели движения!
Так встречайтесь, друзья,
по законам любви



и взаимного
притяжения!

Без любви жизнь мертва –
простояла б трава
на полянах
не смятой, не скошенной...
Может быть, для того
и даны нам слова,
чтобы выжить
зимой заporошенной!

Чтобы трепет любви
не слабел бы в крови,

Половецкие мяски любви

Ко мне в стихи нагрнула
Царевна Половчанская,
фатальная и властная,
как иго или плен.
И мне, поэту местному,
с ней повезло отчаянно –
Царевна всех прелестнее,
прекрасней Bell Helen!

И бровью огнестрельною,
и бёдрами широкими,
загадочной улыбкою
и нежною рукой
она со мною сделала,
что Иисус с пророками –
взяла в свою религию
и повела с собой!

И вот я стал язычником –
траве, деревьям кланяюсь,
в озёра, реки чистые,
как в зеркало, гляжу
и женщину красивую
боготворю, как идола,
и, ею зацелованный,
без памяти хожу!

чтобы были
наследники славные,
чтобы между людьми
на просторах Земли
не случались бы войны,
и главное,
чтобы был Новый Год,
стук сердец, бой часов,
Академия
в брызгах шампанского,
чтоб Земля без конца
совершала полёт
по орбитам
пространства гигантского!

Царица Поднебесная,
Старушка Непорочная!
Ну, где тебе тягаться с ней,
Богинею Любви?!
Ты, Мать Божья, Матушка,
мозги нам заморочила
заумными молитвами
поповской болтовни.

Ты, Девственная Женщина,
какой-то грех придумала,
но целый мир грехуется –
какие тут дела?!
И где твой Рай обещанный?!
Чего ты напридумала,
стыдишь тех, кто целуется,
а мне она мила!

Царевна подарила мне
надежду на бессмертие
и, мудрой Ариадною
продляя жизни нить,
земная Чудо-Женщина
открытым лоном встретила
и ласками отградными
затеяла любить!



Смотри – живая статуя
со всеми преподобьями,
со всеми непотребьями,
но милыми душе!
Она меня сосватала
любовью бесподобною
и, как Гришка Отрепьева,
сразила в неглиже!

И пляски половецкие
затеяла нескромные,
и опалила душу мне
и сердце новизной,
все пересуды светские,
церковно-нескоромные
она в момент развеяла
любовию земной!

О, Дева Краматорская,
Царевна Половчанская!
Ты напоила душу мне
Отвагою хмельной!
Я – Русский Князь, и Торский Князь,
и Галич мой, хоть северный,
но именем равняется
давно с Галичиной!

И степи половецкие
восточно-украинские,
и вятичи, и русичи,
с древлянами, с мордвой
Яриле-Солнцу кланялись
в те веки исполинские,
ещё отнюдь не будучи
под Богом и Ордой!

Наивное язычество:
деревьям поклонение,
друг другом любование
и терпкость страстных уст –
вот юность Человечества,
источник вдохновения
от греческих философов
и до славянских муз!

Спасибо, Ненаглядная,
Царевна ненасытная!
С тобой любовь поэта
переживёт века!
Жизнь наша неприглядная,
по-прежнему несытая
Ярилом-Светом-Солнышком
и теплится пока!

Друзья-краматорчане!

Сегодня город празднует свой День,
но скольких с нами нет, краматорчане?!
Расстрелянных на Меловой горе
почтим, друзья, минутою молчанья!

Почтим отцов, погибших на войне,
и матерей с бессонными очами,
и наш завод, разрушенный, в огне...
Припомним всё, друзья-краматорчане!

И довоенный наш аэроклуб,
что в полном репрессирован составе,
сегодня разве нас с тобою, друг,
душой и сердцем вздрогнуть не заставит?!

И как распалась прямо на глазах
огромная империя-машина –
«И пала, грозная, в боях,
не обнажив мечей, дружина!»

Герои-земляки уходят рано:
Борзенко, Мацегора, Марапулец...
Останутся меж нами ветераны
в названьях площадей, проспектов, улиц!

Пусть сегодня торг идёт крутой,
и спорят о заводе-исполине,
но солнце правды встанет над страной –
НКМЗ послужит Украине!



Владимир Костенко

Доцент кафедры физики ДГМА. Пресс-секретарь Факультета инженерной механики, член редакционной коллегии газеты «Академия».

Автор цикла исторических эссе, объединенных в серию «Национальные особенности поиска предков». Произведения печатаются в газете «Академия».



Национальные особенности поиска предков

Спор Руси с Русью

(Околоисторические эссе)

Писал я уже о наших предках, создавших в средние века огромное по тем временам государство Русь. Сейчас историки называют его Киевской Русью. И полагал я, что тему исчерпал полностью. Однако приходится писать продолжение. Лежит передо мной статья якобы научно-популярная и очень типичная для нашего времени и нашей страны. Автор ее сначала с пылом неопита сообщает то, что отлично известно любому профессиональному историку и даже просто увлекающемуся историей человеку. Никто никогда этот факт не скрывал, приводится он во всех книгах, посвященных истории Киевской Руси. А именно – в огромном государстве по имени Русь существовала очень маленькая область по имени Русь. Располагалась она вокруг Киева и была крохотной по сравнению с племенными землями, первоначально составившими государство. Очевидно, что этот практически не заселенный район на стыке земель Древлянской, Северской и Уличской заняли пришедшие с севера по Днепру скандинавы. Именно их называли Русью наши

предки, позаимствовав это название у народа сумь – финнов, живших между славянами и скандинавами. Финны-суоми и сейчас называют шведов роуши.

Стоит заметить, что путь по Днепру в древности был довольно оживленный. По нему, как полагают многие историки, в том числе Грушевский, прошли с юга и поселились на реке Волхов словене новгородские. А с севера прошли и поселились на Днепре южнее Киева уличи. Уже после этих перемещений пришла с севера русь, т.е. скандинавы, захватили они пограничную крепость Киев и сделали ее своей базой для набегов на Византию, Арабский халифат. И наши предки в бандитизме этом поучаствовали. Потом уже пришел с севера с мощным войском князь Хельмгарда-Новгорода Олег, подчинивший северные славянские племена. Пришел, чтобы подчинить славянские племена, жившие на территории современной Украины, подчинить Русь малую и завершить создание Руси огромной. По следам Олега шли с севера со славянскими полками новгородские князья



Владимир Великий и Ярослав Мудрый, чтобы силой занять княжеский престол в Киеве.

Не очень-то скромничали князья северных земель Киевской Руси, не считали себя ниже своих южных кузенов. И ресурсы имели достаточные, чтобы побеждать в борьбе за верховную власть. Между тем, вижу я в лежащей передо мною статье переписанные в тысячный раз утверждения, что на севере Киевской Руси были безгосударственные колонии, очень редко населенные дикими угро-финскими племенами охотников. Из лесов своих они якобы не выходили, никакого участия в общей политической жизни государства не принимали. Охотники, может, и не принимали. Они только учились землю пахать, железо ковать. А учителя их, переселившиеся в эти земли славяне, еще как принимали. Приходили в кольчугах, мечами и копьями сгоняли киевских князей с престола, своих ставили. Ничего себе, колонии! Интересно, много ли королей посадили на престол Португалии негритянские воины Анголы и Мозамбика? Много ли индусов сидело на престоле Англии?

Есть еще один железный аргумент, который приводят авторы таких статей, чтобы доказать полную непричастность северной части Киевской Руси к этому государству, – в названия северных областей не входило слово Русь. Интересно, что бы оные авторы сказали, если бы наше правительство ввело слово Украина в названия всех наших областей. Донецкая Украина, Киевская Украина, Львовская Украина и т.д. Названия регионам даются, чтобы отличать их друг от друга, вставлять во все названия одно слово, даже название государства, не имеет смысла. Но Галицко-Волынское княжество в конце две-

надцатого века все же наименовали Русью. Сам правитель, Роман Мстиславович, его так и наименовал с вполне определенной политической целью. Сцепился он в жестокой войне за Киев с сыновьями и внуками Владимира Мономаха, которые правили северными княжествами. Немало крови пролилось на полях вокруг Киева, не один раз горел взятый штурмом стольный град. Проиграли эту войну Мономаховичи, не смогли удержать Киев, отступили в свои северные уделы. Придворные историки их потомков объявили это переносом столицы Киевской Руси во Владимир на Клязьме. А победитель стал Великим князем, объявил себя Государем всея Руси. И распространил название столичной области на весь свой удел, на Галицко-Волынское княжество. Вероятно, решил таким способом закрепить за своими потомками титул Великого князя. Хоть и значил он тогда не очень-то много. Давно уже перестали удельные князья и купеческие республики отправлять дань в Киев, выполнять повеления из столицы. Но что интересно, через сотню с небольшим лет польский князь Юрий, приглашенный править Галичиной и Волынью после гибели старой княжеской династии, наименовал себя королем Малой Руси. Тем самым дал информацию потомкам, что была в четырнадцатом веке и еще какая-то Русь. Большая? Или Великая?

Пытаются меня убедить также, что именно в конце двенадцатого века первыми из восточных славян стали галичане и волыняки называться русинами, застолбили за собой этот «бренд» навеки. Жители же северных княжеств Руси якобы взяли тогда себе имя московитов. Киевский князь Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха даже городок Москва построил, чтобы через триста лет



московиты могли получить столицу, соответствующую их имени. И только в восемнадцатом веке, по велению царей Петра Первого и Екатерины Второй они дружененько, все поголовно отреклись от старого имени и начали именоваться русскими. Чем незаконно нарушили права жителей Галичины, Волыни и Украины.

Вынужден заявить, что все перечисленные утверждения кажутся мне очень сомнительными. Как названия местностей, так и названия народов появляются, чтобы отличать их друг от друга. Причем даются названия народам обычно соседями, очень близкими соседями, живущими вперемешку. Очевидно, немцы только придя в земли славян узнали, что они дойчи. Бедняги, чтобы передать звук «ч», тратят четыре буквы латинского алфавита. А на севере Руси славяне приходили в земли ижоры, веси, перми, муромы, других угро-финских племен. Сначала пришли воины в кольчугах, с мечами и копьями. Сказали аборигенам, что послал их князь Руси. Что должны аборигены платить князю дань мехами. Что судьей у них будет наместник князя. Аборигены возражать не стали, стрелы с косяными наконечниками не могли пробивать щиты и кольчуги пришельцев. Следом за воинами пришли мужики с топорами и начали рубить леса. Из бревен построили крепости для наместников князя Руси, дома для себя. Пришлось аборигенам задачу решать, как назвать пришельцев. Отличить кривича от дреговича, радимича от вятича, тиверца от улича лесным жителям было очень непросто. Вот и стали все пришельцы без разбора русскими, еще во времена Киевской Руси стали, не могли не стать. А галичанам и волынякам тогда никто не мог сказать, что они русины. Не русины вперемешку с ними не жили. Ситуация эта продолжала сохраняться даже тогда, когда Малую Русь завоевали литовцы.

Удельные князья признали себя вассалами нового Великого князя и продолжали править страной. Язык Руси, а не завоевателей стал государственным языком Великого княжества Литовского. Только когда превратились удельные князья в польских магнатов, когда хлынули в Малую Русь десятками тысяч польские шляхтичи за поместьями и постами, смогли узнать галичане и волыняки, что они русины.

Именно тогда, в пятнадцатом веке закончилась долгая, упорная борьба удельных князей Великого княжества Владимирского за главенство. Победитель не захотел переезжать в стольный град, сделал новой столицей центр своих владений – Москву. Потом присоединил к своим владениям Великое княжество Рязанское, Великое княжество Тверское, Новгород Великий. Татарским царям дань платить перестал, объявил себя независимым властителем. И назвался Государем всея Руси. А не всея Московии. Но тем самым начал долгую дипломатическую войну за свой титул. Очень этот титул не понравился при дворе Великого княжества Литовского. На 90% состояло это княжество из земель, прежде бывших в составе Киевской Руси. Никак не могли согласиться литовцы, что соседнее государство называется Русь, только на Московию соглашались. Тем более что у них тогда случилась уния с Польшей, и началось насаждение католицизма по всей стране. Со скрипом шло насаждение. Целые удельные княжества во главе с потомками Гедиминаса стали переходить под власть московского царя. Правители Речи Посполитой, возникшей в результате объединения королевства Польского и Великого княжества Литовского, тоже не признавали титул московского царя, тоже называли его страну Московией. Европейцы от этих споров были



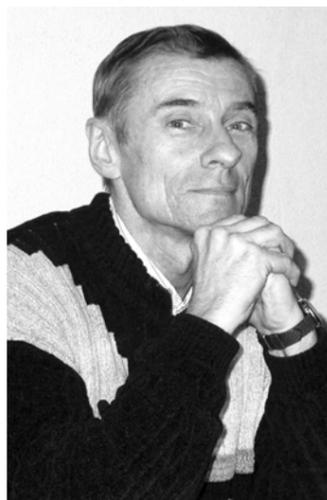
далеки. Но преподавали тогда во всех европейских университетах, писали научные книги почти исключительно католические монахи. Они добросовестно выполняли повеления Римской курии, по просьбам польских епископов рассылавшиеся. На всех европейских картах соседняя с Речью Посполитой страна именовалась Московской. Только при Петре Первом закончилась информационная блокада Европы. Русские полки, разгромив шведов под Полтавой, прошли через всю Польшу. И освободили от шведской оккупации часть Германии. И узнали европейцы, что есть в Европе страна Россия.

Интересно, что авторы статей вроде бы исторических не желают ссылаться на труды историков. Даже на Грушевского. Часто в качестве авторитета поминают «Историю руссов», автор которой неизвестен. Ясно только, что он из российских вельмож малороссийского происхождения. Наиболее вероятным историкам кажется авторство Безбородько, канцлера Российской империи, графа, сына простого казака. И вовсе не пытается автор книги лишить русских права так называться. Наоборот, он доказывает, что малороссы являются частью русского народа. И законно занимают кресла канцлеров, министров, церковных владык. Еще более удивительно привлечение в качестве эксперта по славянской истории Карла Маркса. Вряд ли сей ученый муж читал «Повесть временных лет», труды русских и украинских историков. Нашу историю он изучал наверняка по трудам немцев, сторонников «норманнской теории». В которых Киевская Русь объявлялась результатом деятельности исключительно скандинавов, а славянам отводилась роль бесправного и безгласного быдла. Вот и считал он, что история славянских государств имеет к истории

Киевской Руси не больше отношения, чем история государства латышей к истории Ливонского рыцарского ордена.

Остается обсудить вопрос о злодеях, лишивших нас гордого имени русинов. Несложно убедиться, что Петр Первый именоваться нашим предкам так не запрещал. И при нем, и при его наследниках страна русинов продолжала называться Малой Русью – Малороссией. Украина тогда составляла только часть страны, причем название это не было официальным. Всю Малороссию с Новороссией в придачу называли Украиной наше первое независимое правительство – Центральная Рада. И в украинцев переименовало наших дедов-прадедов именно оно. Не на кого нам пенять, не на кого обижаться.

Есть, однако, у лежащей передо мною статьи одна особенность, отличающая ее от прочих. Напечатана она в переводе на язык большинства современных украинцев. Пришлось снизойти до языка «несвидомых», маловато желающих читать этот бред на языке государственном. Но перевод-то машинный. И правил его не очень грамотный редактор. Вот и красуются на странице «Большой Киевский князь», «Большой князь Литовский», «Новгород Большой», «сепарация Киевского государства». Позор для редакции, но хорошо показывает уровень претензий. Засмеют ведь нас, если начнем тяжбу за возвращение похищенной истории. И что докажем, если победим в споре Руси с Московией? Что не создавали наши предки величайшее государство средневековой Европы, с владыками которого считали за честь породниться императоры Священной Римской империи германского народа, короли Франции, Венгрии, Норвегии? Что было у предков государство крохотное, на европейской карте почти незаметное? Кто нас после этого умными назовет?



Игорь Шередко

Преподаватель кафедры прикладной математики. Занимается литературной деятельностью и печатается с 2000 года. Автор двух сборников стихов, член поэтического объединения «Глорум».



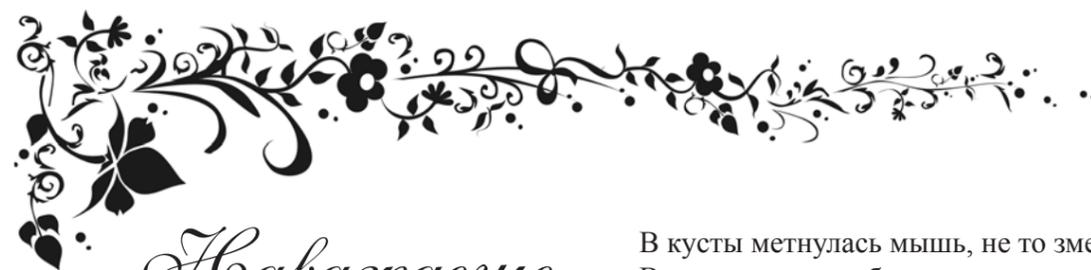
Судьба

Кому судьба – карманный штопор,
Бывает – безупречный финт,
Кому в делах – нещадный стопор,
Мне исключенье – Лабиринт.
...Стенами скован в самом центре,
Но знаю твердо – выход есть!
Давно известна, по легенде,
Игра, похожая на месть!..
Ступени скользки и прохладны,
Покрыты росписями лжи,
Не видно нити Ариадны,
Гримасы корчат миражи,
Зловеще шепчут: – Безусловно,
Ты замурован навсегда...
Но светит ласково и ровно
Мне путеводная звезда.

Восхождение

Цветы на лугу
Я не замечал,
Следы на снегу
Я не находил,
Но шел сквозь пургу
На свой перевал
И верил в судьбу,

Хоть не было сил.
Срывавшийся с губ,
Мой крик замерзал.
Обманчив и груб
Вершины кристалл.
Не раз ледоруб
У трещин трещал,
Тер каменный зуб
Капроновый фал.
Вмерзая во льды –
Но плавился лед –
По склону гряды
Тянулся вперед.
Из блесток слюды
Тек солнечный мед.
Белели хребты,
Чернел небосвод.
Звезда в вышине,
Пьянящий восторг,
Мир льда и теней
Свернулся у ног.
Туманы зыбей
Луч Солнца прожег.
Победа – во мне,
Вершина – предлог.



Заваженье

Люде Круглик

Зурна и бубен, дробь лезгинки,
Ночного неба звездный зонт,
Черкески, пестрые косынки
Ушли за дальний горизонт.
Ты – в памяти и будешь сниться,
И в сердце – жало перемен,
А увела тебя – столица
В надежный, неизбежный плен...
Последний танец, смех сквозь слезы,
Прощальный блеск кофейных глаз...
Я на крыле хрустальной грезы,
И в каждой паре вижу нас;
И духов гор молю о встрече,
И от разлуки сам не свой,
И создаю из мыслей вечер,
В котором встретимся с тобой.

Скифы

Блок, опасаясь ссылки и тюрьмы,
Кривя душою, льстил Вождю* стихами:
– Да, скифы мы, да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами!
...Царь Дарий был опаснее чумы,
Бич божий, перед ним послы немели...
Он, искушенный в тонкостях войны,
Мечтал о Скифии, и вот – у цели!
Ему звенели золотом поля,
Но тучи стрел разили зло и метко;
Пожарами коварная земля
Давала знать: пришелец – птица в клетке.
С загадкой для непрошенных гостей
К нему явились гордые номады.
(Он ждал их: с табунами лошадей,
Дарами и мольбами о пощаде).
В ногах лежали вовсе не князья:
Лягушка – к луже устремилась шало,

В кусты метнуласьмышь, не то змея,
Вспорхнул и голубь, лишь стрела торчала.
– Пусть звездочеты лгут наперебой,
Пророча из последних сил победу –
Зверьем бегите из страны чужой,
С мольбами о глотке воды к обеду!
Во тьме вещали сотни огоньков:
Преследовали скифов даже ночью,
Но вместо городов – зола костров...
Ночной дозор рвал персам души в клочья.
...Они успели пересечь Дунай.
Поход царю едва не стоил трона,
Лишенный армии, он проклял «дикий край»,
Предвосхитив поход Наполеона.
...Нас не любили «светлые умы»,
Кормили голодом и лагерями,
За то, что скифы, европейцы мы,
С веселыми и умными глазами.
Пусть замечают с завистью: – Вольны,
Трудолюбивы, песнями богаты.
Да, мы – Великой Скифии сыны,
Мир знает наши стрелы, хлеб и хаты!

*Ленин имел калмыкскую родословную



Алина

Остафийчук

Ассистент кафедры «Менеджмент» ДГМА, журналист регионального еженедельника «Восточный проект», заместитель главного редактора газеты «Академия».

Лауреат областной литературной премии им. Рыбалко и областной акции «Жінка Донеччини» в номинации «Журналистика».

С 2000 года вышли в свет четыре поэтических сборника: «Единение двух сердец» (2000), «Бисерное признание» (2002), «Прижаться к земле» (2004) и «На ощупь» (2007). Стихи издаются в Киеве, Донецке, Запорожье, Одессе, Санкт-Петербурге.



Время

Время отрезает понемногу мерою неведомых богов от души. И кошкой – у порога ждет смертей девятый вал – домой. Тысячных бесслезных возвращений – замыканий временных колец. Время отрезает – без смущенья лучшие минуты у сердец. И когда от жизни остается только рана – срезана в корню, время над потерями смеется и рождает новую зарю. И дарует мудростью – безумных, тех, кто все рубцы свои считал. Время отрезает смерть – по кругу, оставляя место для огня.

Замирать

Ничего не болит – нет желаний, и больше – надежды. По инерции жизнь тараторит сорокой в лесу. Как листву мне бы сбросить дела, города и одежду, И уйти по траве, собирая душою росу. И найти тихий дом – обязательно с ивой и садом, Где минуты стоят, а века проплывают дождем, И грибные поляны, и лес – обязательно рядом, Чтоб в рассветном тумане там пахло парным молоком. Чтоб молчать можно было неделями, тишь не нарушив, И вникать в детский лепет и слезы березовых рош, И принять, словно миро на лоб – всего сущего душу, Замирать – умирать – мироточить – и плакать как дождь.



Осенняя элегия

1
Чутких листьев неслышный шепот,
И прозрачность остывших дней.
Откровением неба тронут
Ветер, пляшущий по земле.
Разворошенных ветвей груды,
Переборами лес звенит.
Осень ходит – легко и чутко
Между листьями и людьми.
На душе будто в храме – тихо,
Единения редкий миг –
Лес открыт как святая книга,
И мы с осенью здесь одни.

2
Не трогая и не тревожа,
казалось бы – мимо, всеу,
но – чутких рассветов множить,
но – исповедь – в поцелуе
Расхрыстанных ставен с небом.
Искрить – и не надо больше!
Несется сквозь стены время.
Как дом одиночек твой, Боже!
Стоит посредине мира,
до слез отрешен и брошен.
Но кто-то в чужой квартире,
чужие считая гроши,
на миг задержав столетье,
откроет гнилые ставни.
И в душу ворвется ветер,
и осень светлее станет.
Вокруг – тополиным вихрем
взметнется огонь священный.
Минуты, молитвы, мили –
все смешано, все – в круженьи.
И хлопает дом глазами,
и рвутся у ставен связки.
Столетними голосами
у дома застонут вязы.
Но – бог с ним – уже не нужен

захлест – утихает осень.
И сон – вновь залезет в душу,
на окна вновь ляжет проседь.
И дом – опуская плечи,
вздохнет о былом пожаре.
Все время слепое лечит,
и даже святую память.
И как одиноко, Боже,
смотреть на огонь осенний.
Но снова сентябрь прожит,
и нет от зимы спасенья.
И нет нам пути иного:
из окон проводим время,
и дом засыпает снова,
и воют вокруг метели.



Чем старше дерево – тем больше
в нем колец.
И сердцевина – лучше и надежней.
Чем больше зла – тем крепче у сердец
Желанье жить. Чем глубже вечер прожит,
Тем ночь полней любви и красоты.
Чем ближе смерть – тем кровь земли дороже.
И только страсть бездушной наготы
Всеразрушающая, и тем страшней,
чем больше.



Потоки бреда. Схема бытия.
Игра в разлуку и разрывы связок.
И озаренье – это ведь не я.
Я умерла вчера под ритмы танца,
В чаду привычных бытовых измен,
Не изменяя только смерти внеурочной.
Потоки глаз, и рук, и снов, и стен.
В игре своей я ставлю многоточье.



Элеонора Жиливская

Родилась 18 января 1952 года на Урале. В 1956 году семья переехала в г. Валуйки, Белгородской области, там прошли раннее детство и школьные годы. Окончила Московский кооперативный институт.

В 1976 г переехала в г. Краматорск. И с 1995 года по настоящее время работает ст. преподавателем кафедры «Учет и аудит». Стихи пишет давно. Но в печати редко можно увидеть ее стихи. Отчего каждое опубликованное произведение становится особенно ценным.

Верю!

Все будет так, как быть
тому должно.

(Р. Гамзатов)

Не торжествует крестьянин теперь:
Снег не идет, и хоть верь, хоть не верь,
Но, по приметам, Крещение без снега
Будущий год не сулит уж обеда...
Мутные лужи, и слякоть, и сырость,
В мутное марево солнышко скрылось,
И сиротливо по лужам бредет
Тощий бездомно-помоечный кот.
Серым комочком ютится на ветке
Мокрый воробышек, города детка:
Возле жилья ищет малая птица,
Чем бы съедобным слегка подкрепиться.
Только гляжу я с улыбкой в окошко:
«Скучно и серо? Тоскливо? – Немножко!»
Выглянет солнце, согреется кот,
Сытно поест (он найдет бутерброд),
Лужи подсохнут, почистят дворы,
Верю, дождемся весенней поры,
Зазеленеют поля и бульвары,
Приободрится и малый и старый,
Птицы вернутся и гнезда сошьют,
Кипенно-белым сады расцветут,
Сердце отгадет, душа обновится:
В лучшее верь, и оно повторится!



Краматорск – Дарьков

С подружкой – электричкой
Сбегу от суеты,
Я буду вольной птичкой,
Я и мои мечты.
Пусть жесткие сиденья,
И гомонит народ,
Полна я восхищенья,
Душа моя поет.
Мелькают за окошком
Река, поля и лес:
То грибники с лукошками,
То сосны до небес.
Хмельное разнотравье,
Весь косогор в цвету
С природой равноправье
Душою обрету.
И буду я ольхою,
Иль ивой, иль прудом,
Потом самой собою
Я стану но потом.
Пока же вольный птичкой
Летит моя душа.
Подружка - электричка,
Ах, как ты хороша!



Есть любители марок
и любители пива,
Ну а я облака собираю всерьёз.
Поднимите глаза,
посмотрите на диво:
В небе чистом
сверкающий мчит паровоз.
Но секунда пройдет
не узнать очертанья:
Уж дракон трехголовый
по небу ползет,
А за ним Дон Кихот
гордый рыцарь скитаний,
Под уздцы Росинанта
на юг поведет.
Вот опять в небесах
изменилась картинка:
Там река и лужок,
и овечьи стада.
Нет, уже не стада,
это просто осинка
Шелестит на ветру:
«Я – одна, я – одна ...»
Я люблю смотреть в небо
время было бы только
А еще на прибой
на морском берегу:
Воздух чист и солен,
брызги веером колким
Бьют упруго в лицо,
как снежинки в пургу.

Про Егорку!

Четыре ножки у стола,
А у тебя две ножки,
Но стол стоит себе в углу,
Ты ходишь по дорожке.
Не может стол, как ты, скакать;
Или по лестнице бежать,

Или катиться кувырком,
Как вихрь, сметая все кругом!

Похохотать не может стол,
И лоб не расшибет о пол,
А будет он в углу стоять:
Не есть, не пить, но, стоя, спать.

Мне повезло: мой внук – Егор.
Все остальное – просто вздор!



М. Волошину

Кара-Даг – потухший вулкан,
Нет, скорее, он великан,
И суровый его гранит
Много в памяти камня хранит.

Коктебель был когда-то строг.
Дал поэзии много строк,
Его голос звучал у скал,
Век серебряный возвещал.

Из закатов и брызг морских
Странный дом на берегах возник,
Поселился в нём человек
И художник он, и поэт.

«Семь пудов мужской красоты»
В Кара-Даге его черты,
Гордый профиль его из скал,
Он нашел здесь то, что искал.

Вольный ветер, морская даль,
А весною цветущий миндаль.
Винограда сочные грозди,
И внезапно ливни и грозы.

Здесь друзья его, «обормоты»,
Гениальные строк обороты
Рассыпали, словом играя,
Гениальность не сознавая.

Он оставил нам всем в наследство
Дом, пейзажи, стихи и сердце.



Сергей Головкин

Старший преподаватель кафедры философии ДГМА, кандидат педагогических наук. Стихи только хобби, как впрочем и увлечение фотографией. Имеет неравнодушное отношение к общественным проблемам, к проблемам отдельных людей и особенно к судьбам молодых. Басни – ключ к вскрытию личностных и общественных проблем. Есть попытки писать и в эпистолярном жанре – рассказы о прошлой войне.

Публиковался в газетах «Вісті», «Школяр», «Академія».

Книга и

Журнал

Книга стала жить с Журналом,
Тот довольствовался малым...
Негу глянца, всюду текст.
Ей любовь подай, не секс.
Лирика в речах, тоска,
А сама, ну как доска.
Вся везде академична,
Часто сплошь категорична,
Никакого в ней гламура,
Лучше уж тогда Брошюра.
И пошел бузить с Брошюрой,
С этой инфантильной дурой.
А потом была Газета,
Тоже дама без привета,
И продажна, и дешева,
Без царя в мозгах и крова..
Приздумался Журнал:
– Ну зачем я так страдал?
Я вернусь, пожалуй, к Книге.
Стал мечтать об этом миге,
Стал искать с ней новых встреч,
Чтобы пользу в том извлечь.
А она его строкой:
– Ты какой-то не такой!
Тряпка ты, как флаг без древка,
Ты издание-однодневка!



Сова и зайцы

После прятков в трын-траве
Зайцы двинулись к Сове.
Помоги, родная мать,
Не охота умирать,
Мудрость совью обеспечить,
Выслушай ты нашу речь;
Помоги, ведь ты же можешь,
Ты рассудишь, подытожишь,
Каждый, кто не клят, не мят,
Нас гоняет. Нас едят.
Что нам делать, как нам быть?
Метод нужен, чтобы жить.
А Сова: Смекайте сами, –
Сделайтесь на время львами,
И тогда любой зверюга
Застрашится от испуга,
Вас не станет донимать,
Настигать и разрывать.
Как же нам твои слова
Воплотить? Скажи, Сова.
А вот с этим не к Сове,
Я элиты во главе,
Мыслю я не вам на смех,
А глобально. Я стратег.



Кошачья любовь

Брак

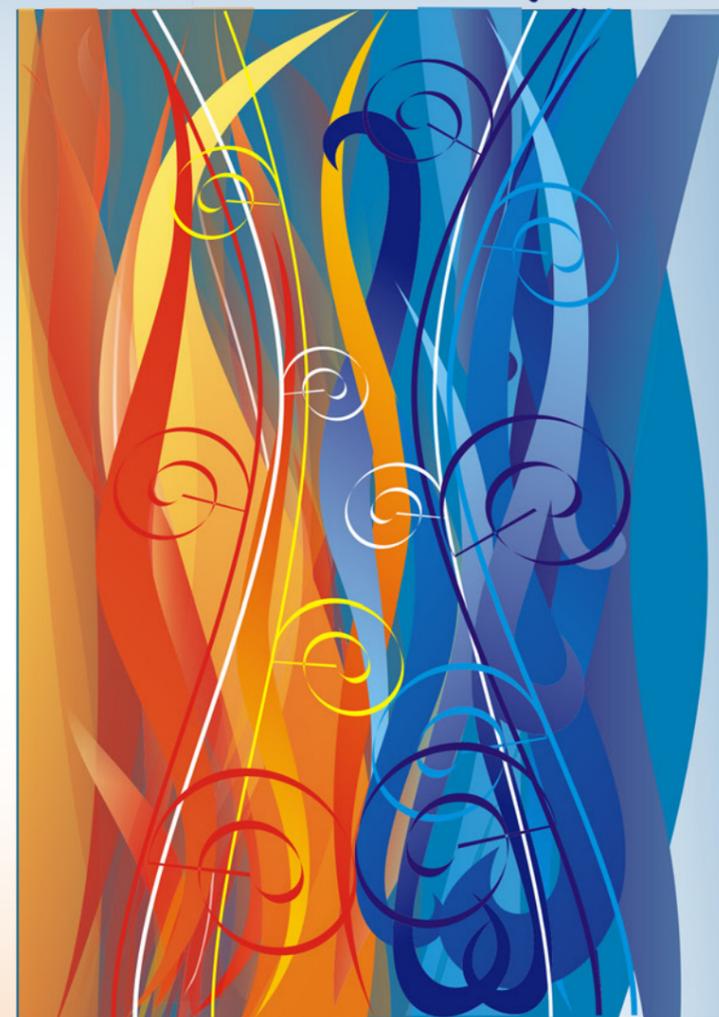
Нет согласия меж котами,
Бой-вражда идет ночами,
Больше в марте, то ж весна...
Им, котярам, не до сна.
И дерут они друг друга
Ночь-полночь – в сплошную ругань.
Не ругают только кошки,
Или может быть немножко.
Им, похоже, все равно:
Суть понятна им давно.
Повоюют, пошумят,
А потом весь день просят,
Чтобы вечером сначала
Их пора вопить настала.
Снова вой, как сто сирен.
Вот таков кошачий ген!
Где же кошек в том резон?
Множиться пришел сезон.
С кем и как кто заночует,
Принцип прост – кто завоеует!

Яблонька, что возле вишни,
За Орешек замуж вышла.
Вишня брак тот наблюдала,
И гадала все, гадала...
Так прикинет, и не так,
Странный получился брак.
Их в любви скрестились ветки...
Но какие ж будут детки?
Детки вскоре родились,
Да на славу удались!
Яблочки те, как на грех,
Были крепче, чем орех!
На всем множестве ветвей
Крепче не было детей!
При таком союзе милом
Быть ребеночку дебилком...





Шанець



ДУШМ

*Студенты и выпускники
ДГМА (КИИ)*



Владимир Коцаренко

Родился 17 февраля 1957 года в Краматорске. В 1998 году работал редактором газеты «Газета» (г.Краматорск), издаваемой инвестиционной компанией «Северный Донбасс». Некоторое время был заведующим отделом досоветского периода в Музее истории г.Краматорска. С марта 1999 года и по настоящее время – заведующий отделом по вопросам внутренней политики Краматорского городского совета.

Владимиру Коцаренко принадлежит заслуга первооткрывателя ранее неизвестной истории города Краматорска досоветского периода, начиная с момента заселения его территории во второй половине XVIII века.

Краеведческие исследования В.Коцаренко получили заслуженное признание в Донецкой области и за ее пределами. Сведения о краматорском краеведе внесены в справочники «Краєзнавці Донеччини» (Славянск, 2004) и «Краєзнавці України» (Каменец-Подольский, 2003), книгу очерков В.Гарина «Краматорск: город и люди» (Краматорск, 2004). Во 2-м томе фундаментального издания Национальной Академии наук Украины – «Енциклопедія Сучасної України» (Киев, 2003) помещена статья В.Коцаренко о краматорском поселке Беленькое.

Признание в любви, или 100 лет спустя

«Крытый рынок» на Парковой – город в городе, а на самом деле – целый мир. Всякий знает сюда дорогу, всякий находит здесь себе радость и утешение. «Крытый» – место, где толкуются и кормятся все: пролетарии и буржуи, провинциальные эстеты и тонкие гурманы. Не исключение – особая категория здешних завсегдатаев: могикине-интеллигенты и, разумеется, собиратели-коллекционеры.

Последних неизменно манит сюда скромный и неброский уголок у западного входа на рынок – со стороны улицы Юбилейной. Если весь «толчок» – бурлящий океан, то здесь – тихая гавань. Старшие причала (то есть двух стальных прилавок) – Анатольевна, Митрич и Юра. Анатольевна всю жизнь отдала фир-

ме «Обувь», а мечтала торговать книгами. Митрич – в прошлом инженер, теперь – на заслуженном. Юра не любит рассказывать о себе. Его отличают скромность, готовность помочь и верность данному слову. Их товар – старые книги, монеты, почтовые марки, награды, советские значки. В солнечный день – это рай для очарованной души. В хмурый и дождливый – обитель щемящей ностальгии.

Юра – истинный старатель и филантроп. За чисто символическую плату он благородно спасает и продлевает книге жизнь. Я обязан ему потрясающей находкой. Узнав о ней, коллега-краевед из Донецка был поражен и не скрывал удивления: «Вот это да-а!»

Забывтый защитник украинского языка

Ныне его имя почти совсем забыто. О нем помнят, разве что, историки литературы, филологи да библиотекари-всезнайки. А он был одним из образованнейших людей своей эпохи, большим ученым и общественным деятелем. Публика зачитывалась произведениями этого писателя, чье литературное наследие составило более 100 томов художественных произведений, исторических исследований, трудов по фольклору и языку, публицистики и переводов.

Он родился в 1830 году в слободе Даниловке бывшей Области Войска Донского. Его биографы утверждают, что он гордился своим происхождением: в его жилах текла кровь казаков Запорожской Сечи, а его дед был сотником и носил фамилию Слипченко-Мордовец. Жизнь потомка запорожцев сложится необычно. Отец будущего писателя был крепостным. А ему – Диниилу Лукичу Мордовцеву – суждено было подняться до высот общественного признания и обрести всероссийскую известность. Среди достойных современников, с которыми он был лично знаком и поддерживал дружеские отношения – Н.Г.Чернышевский, Н.И.Костомаров. Ему доводилось встречаться с Т.Г.Шевченко и Н.А.Добролюбовым.

Даниил Лукич Мордовцев занимает видное место в истории русско-украинских связей. Он получил признание не только как русский, но и как украинский писатель. Его произведения: «Гайдаматчина», «Сагайдачный», «Палий», «Нищие», «Звонарь», «Царь и гетьман» и другие посвящены украинской теме. Все они были широко известны на Украине. Их значение высоко оценил Иван Франко. Д.Мордовцев не отделял развитие культуры и общественной мысли двух на-

родов – украинского и русского, всемерно способствовал их сближению. Он пропагандировал поэтическое наследие Т.Г.Шевченко и, при этом, защищал право украинской литературы на существование, право, которое уничтожил Валуевский циркуляр 1876 года.

Выступая в защиту украинского языка, Д.Мордовцев явился инициатором проведения Шевченковских вечеров в Санкт-Петербурге. Гостями на Шевченковских вечерах иногда бывали М.Л.Крапивницкий, М.К.Заньковецкая, другие корифеи украинской литературы и искусства. Этим же целям служило «Общество имени Т.Г.Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведениях Петербурга», учрежденное Даниилом Лукичом 25 февраля 1898 года.

Кроме постоянных контактов с украинцами, жившими в столице Российской империи, Д.Мордовцев вел переписку с целым рядом украинских писателей. Среди них – галицийские народники А.М.Огановский, В.А.Левицкий, В.Г.Барвинский, а также И.Я.Франко, М.М.Коцюбинский и М.П.Драгоманов. Характеризуя Д.Мордовцева, историк и журналист Б.Б.Глинский писал так: «...Быть может, после Гоголя никто из наших деятелей печати так не послужил культурному братству обоих разветвлений великого восточно-славянского племени, как Даниил Лукич Мордовцев».

... Удивительно, но спустя сотню лет в Краматорске объявилось свидетельство жизни и деятельности этого замечательного человека, посвятившего себя служению двум родным языкам и народам – русскому и украинскому.



Неожиданная встреча

С Анатольевной и Юрой мы встречаемся по субботам. Обычно я прошу их откладывать для меня научные издания, посвященные Великобритании. Подобные книги – редкость, но мои визиты к букинистам – уже традиция, которой свыше тридцати лет. В прежние времена мои поездки в Соцгород всегда начинались с двух магазинов – «Подписные издания» и «Букинист». Сравнительно недавно обе эти жемчужины краматорской сферы торговли были принесены в жертву «золотому тельцу». Поэтому любители старых, хороших и просто дешевых книг отправляются нынче на «Крытый» – в тихую гавань, где на вечной стоянке грустит постулат о самой читающей стране.

В то утро, зная о моем трепетном отношении к прошлому, Юра предложил мне несколько книг, изданных до 1917 года. Успенский и Пушкин были деликатно отвергнуты. Мое внимание сразу привлекла неказистая брошюра. Год – заурядный, 1903-й. А вот название невольно интриговало: «Отчет Благотворительного общества издания общепользных и дешевых книг за 1902 год». Юра знал, кому предлагал. Цена книге – три копейки в базарный день. Но смысл и содержание – поистине бесценны.

Маленькая книжечка с пожелтевшими страницами оказалась, на самом деле, отчетом о великодушии.

Общество, отчет о деятельности которого спустя столетие угодил на прилавок букинистов «Крытого рынка» в Краматорске, имело целью «прийти на помощь религиозно-нравственному развитию и экономическому благосостоянию малорусского народа». Как гласил первый параграф его устава, «с этой целью Общество издает одобренные цензурой

дешевые и доступные по языку и изложению книги, как религиозно-нравственного содержания, так и по всем отраслям сельскохозяйственного и вообще промышленного знания, а равно и литературно-художественного содержания».

В отчетном 1902 году благодаря Обществу увидели свет восемь брошюр. В двух из них были впервые напечатаны произведения известного украинского писателя и языковеда Бориса Дмитриевича Гринченко – «Оповідання про Євгена Гребінку» и «Хто робить, той і має». Их общий тираж – 20000 экземпляров. Остальные, главным образом, были посвящены вопросам гигиены, медицины и сельского хозяйства.

В докладе правления Общества отмечалось, что, в целом, «поступление членских взносов представляет заметный, хотя и незначительный успех», превышая аналогичный показатель предыдущего года. В 1902 году продолжался и прирост числа членов Общества, что, по мнению членов правления, являлось свидетельством распространения интереса к Обществу и к его деятельности. Особую радость правление выразило по поводу значительных пожертвований, поступивших в кассу Общества. Некто, пожелавший остаться неизвестным, пожертвовал 900 рублей. Сахарозаводчик В.Ф.Симиренко передал на развитие Общества 300 рублей, литератор А.М.Кулиш – 100, служащие Полтавской земской управы – 335 руб. (в качестве особого фонда «в память 40-летия освобождения крестьян»). Были и другие благотворители. Пожертвования составляли половину общей суммы поступлений, полученных Обществом в 1902 году.



В течение года Общество решало множество текущих вопросов, в том числе – связанных с издательскими планами и организацией сбыта книг. Желая содействовать росту «образовательного уровня сельского населения южно-русских губерний» (т.е. Украины), правление Общества обратилось в Министерство Народного Просвещения с соответствующим ходатайством. В нем была изложена просьба «о допущении книг на малорусском языке, как лучшего средства популяризации знаний среди малорусского населения, в школьные и народные библиотеки и читальни, на основаниях, одинаковых с книгами на русском литературном языке». Министерство отказалось удовлетворить эту просьбу.

На общем собрании правление выразило особую признательность С.-Петербургскому Городскому Голове. Он предоставил Обществу право использовать для своих собраний помещение Городской Думы. Показательный пример для наших современников.

Штаб-квартира Общества располагалась в Санкт-Петербурге. Его уполномоченные и члены жили в разных городах Российской империи – Варшаве, Одессе, Севастополе, Херсоне, Киеве, Полтаве, Харькове, Баку, Екатеринодаре, Калуге, Москве и других местах. На общем собрании была названа общая численность членов Благотворительного общества – 732 человека. Среди них известные нам имена – автор истории Запорож-

ских казаков Дмитрий Яворницкий, писатель Михаил Коцюбинский, историки Дмитрий Багалеи и Николай Аркас, драматург Марк Кропивницкий, композитор Николай Лысенко и др. Харьковскую губернию в Обществе представлял 41 человек. Интересно, что членом Общества был и один наш сосед – житель села Шахово, расположенного тогда неподалеку от станции Дружковка. Это был некий Александр Ильич Билоград.

Вот так на рубеже XIX-XX вв. на гранитных берегах великодержавной Невы прогрессивные люди своего времени боролись за просвещение украинцев и выступали за право на существование печатного украинского языка.

... Когда я впервые взял в руки эту книжечку, меня обрадовало одно обстоятельство: знакомое имя! Оказывается, председателем и почетным членом «Благотворительного общества издания общепользных и дешевых книг за 1902 год» был не кто иной, как Даниил Лукич Мордовцев. Устав Общества был утвержден 19 ноября 1898 года – в том же году, когда Мордовцев учредил и Общество им.Т.Г.Шевченко.

На этом рассказ о редкостной находке на книжных развалах Крытого рынка был завершен. И все же, оказалось, что у него было не менее удивительное продолжение – мистика наяву.



Анатолий Сериков

Выпускник КИИ (ДГМА), человек с удивительно нежной, чувственной душой. Отличительная черта характера – действенность, стремление поэтическим словом достучаться до сердец.

Автор персонального поэтического сборника «На поэтической тропе», руководитель краматорского литературного объединения им. Н. Кулинича при ГДК им. Ленина. Стихи публикуются в городских и областных периодических изданиях.

Моему товарищу заводу

Посвящается 70-летию ЗАО «НКМЗ»

Так значит семьдесят, но не стареешь ты,
В реальность воплощаешь все мечты,
Взметнулись дерзко к небу корпуса,
Ты – наша радость, гордость и краса!

Твои машины знает целый мир,
Ты – Краматорска истинный кумир,
И где б я ни был, брошен был судьбой,
Повсюду твой доносится прибор!

А здесь ведь раньше степь была кругом,
Жестокий ветер бил в лицо песком,
Но пробил час – и ты сюда пришел,
Чтоб новый свет над Пустошью взошёл.

Кипел во всю ударных строек труд,
Работал добросовестно весь люд,
Без отдыха порою и без сна
Тебя на ноги ставила страна.
Седьмая ... Снова рубятся с плеча
С доски вмиг даже ферзи полетели.
Но всё ясней в ней видится «ничья»,
А для Руслана – достижение цели!

И наконец, последний сделан ход,
Сомнения уходят, словно тени:
Противник молча руку подает,
Сдаёт он матч ... Ну, что ж, играет гений!

Шумит, бурлит большой в столице зал,
Спешат скорее парня снять на плёнку,
Он – чемпион! Он это доказал ...
А был вчера, казалось всем, ребенком.

Руслан и есть та яркая звезда,
Которая не гаснет, и не тонет,
Корону шахмат взял он навсегда
И не отдаст её, и не уронит!

Ну, где найти такие мне слова,
Чтоб рассказать, как перед ним трепещут,
Сегодня МИР, не только вся Москва,
Ему, маэстро шахмат, рукоплещет ...!



Журавли

Утро. Сыро в бору,
Осень грустно бредёт,
Жёлтый лист на ветру
Птиц куда-то зовёт.

И в холодную высь,
Крыльями теребя,
Журавли поднялись,
Гомоня и трубя.

Кто вас гонит туда,
В край чарующих роз?
Голод! Не холода
Всех страшней вам угроз.

Вы вернётесь назад,
Ваша родина здесь:
Харьков, Курск, Волгоград,
Степь широкая, лес!

И ты родился и всеильным стал,
В те годы выдал первенец металл,
Над бездорожьем загудел гудок:
Он звал, манил к себе «на огонёк».

Война, разруха, много много дел...
Но ты не дрогнул, выстоять сумел!
Завод заводов, так ликуй, твори,
Надежду выжить людям подари.

Ах, годы, годы! Вот – и юбилей,
Желанный праздник всех твоих людей.
И я, как друг, приду к тебе опять,
Чтоб в день рожденья счастья пожелать.

Утро

Серебристым инеем тумана
Небосклон рассечен голубой,
Молодая зорька у кургана
Разлилась лазоревой дугой.

После сна поселок оживает,
Сад пожаром осени объят,
Звезды так беспомощно теряют
Яркий свой, таинственный наряд.

Машет холм в кустах весь гривой сонной,
С поля веет резкий ветерок,
И осенний лист над, нашей домной Кружит,
словно жёлтый мотылёк.



Олег Максименко

Закінчив ДДМА. Працює на Краматорському заводі важкого верстатобудування начальником ковальсько-термічного цеха. Перший вірш був надрукований в 1988 році в газеті „Краматорський металург”. Друкувався в міських, а також в обласних газетах, журналі „Бридицина”. Співавтор поетичних збірок „Донецькі полини”, „Шидловські вогні”, „Поезії Слов'яничини”. Автор поетичних збірок „Вклоняюся рідній землі”, „Степные рассветы”. Автор краєзнавчої книжки „Крізь млу до світла”. За працю на ниві краєзнавства ім'я Олега Максименка ввійшло до довідника „Краєзнавці Донеччини”. В книзі Н. Лапушкіної „Українське письменство Краматорська” охарактеризована творчість Олега Максименка.

Про книжки поета писала „Літературна Україна”.



Я родом з Ганівки Україно моя

Я родом з Ганівки,
Із селища верб,
Де лози й барвінки
Співають про степ.
Де казка з дитинства
Мандрує вночі,
Джерельця з намиста
Дзюрчать у корчі.
Кампличка розлога –
Історії світ,
Святиня від Бога
Вже кілька століть.
Там чути сопілки
Серпневий вертеп.
Я родом з Ганівки,
Із селища верб.

Є у світі козацька земля,
Черемшиною квітне, рясна,
А вербою шепоче зрання,
Україною зветься вона.
Постає у слов'янській красі
Чарівних колискових пісень,
Що купують барвінок в росі
Ще з князівських славетних давен.
І душею у хвилі Дніпра
Чумаків пам'ятає вона,
Їх шляхи соляні по степах
Позабуті тепер усіма.
А Говерла, мов зірка ясна,
На осерді гірських ланцюгів,
Над Європою сяє сповна
Янтарем вже багато років.
Є у світі козацька земля,
Що Софійським собором гучна,
А народом і славна й міцна –
Україною зветься вона.



Сніви стени

Співають струмки по весні
В некошених заростях трав.
Отаман-ватаг, мов у сні,
Чумацькою валку стримав.
І зілля-ромен гомонить
Про плесо Сухого Торця,
А балта казково мовчить –
Очікує диво-митця.
І яса ятрить в шавлії,
Танцює густий воронець,
Березка – дівчина імлі –
Кохає ненатло чебрець.



В імлі весняної ночі
Згадаю дитинства бави
І мамині сині очі,
Заграви ненатлі барви,
Обійстя обабіч лісу,
Джерельну малу криницю,
Як діти несуть мелісу,
Як ньєнка годує кицю.



Весни золотавий нектар
Збентежує душу мою,
По стежці кохання до хмар,
До неба, до сонця дійду!
В пелюстках троянд віднайду
Кохання твого кольори,
Розмаєм пісень огорну
Життя молоді пори.
Любові весняний нектар
Серденько моє колиса,
Я – твій полум'яний пісняр,
Ти – божого світу краса!



Випускникам Свободнянської середньої школи 1970 го року присвячую.

Розлоге й квітуче у вербах
Українське „Свободне” село,
Де школа і юність у веснах
Минули, мов річне зело.
На зустріч з тобою крокую,
Святиня дитячих подій,
А в згадках я чомусь мандрую
У рік сімдесятий, мерщій.
Там дзвоник школярський спадає
Крізь роки на думку мою
І серце бентежить, мов грає,
І пісню співає свою.
Про килим в серпанках вранішній
І герці хлопчачі, ще ті,
І вечір у школі тодішній,
Часи, що були золоті.
У вирій злетіли, мов птиці,
Літа молодії в житті,
А юність, як крапля з криниці,
Солодить ще душу в бутті.



Дінець виграє на бандурі
І човен по струнах пливе,
У хащах дуби по статурі
Гуртуються в коло живе.
А Гори Святії, мов килим,
З небес подарований Богом,
Навіки залишиться білим
Вкраїни казковим острогом.



Светлана Камниченко

Выпускница ДГМА, гр. ТМ01-1.

Первые эссе были написаны в 2000 году С 2002 до 2006 года являлась корреспондентом газеты «Академия». В 2004 год завоевала диплом за победу в конкурсе молодых журналистов, проводимом редакцией регионального еженедельника «ВОСТОЧНЫЙ ПРОЕКТ».

В настоящее время – инженер-технолог Киевского государственного авиационного завода «Авиант».

Стать собой

Боже, как же важно быть тем, кем ты быть должен... Как важно истратить короткие мгновения, данные нам жизнью, на то, чего жаждет все твоё мечущееся естество... Как трудно сдерживать рвущуюся в небо душу и как тяжело душить в зародыше её нежные ростки. Как невыносимо отвратительно твердить о неуместности здесь и сейчас. Но ведь разве душа может быть неуместна?..

Неумолимое тиканье часов твердит о скоротечности времени, о неизменно ускользящих драгоценных минутах, но мне уже все равно. Добросовестное сознание больше не властно надо мной – верх взяли чувства. И они сильнее всего. Сильнее бури, бушующей за окном, сильнее страха, сковавшего ледяные колючие цепи, сильнее совести. А, может быть, они и есть – совесть? Обезумевшая от несправедливости и абсурда. Разбивающаяся в агонии прекрасную симметричную клетку, воздвигнутую благоразумием и общественными нормами. Общественные нормы... Кто их придумал? Кто дал им право вершить человеческие судьбы?! Общество? Да кто оно такое – общество? Вышколенное и целомудренное, красивая оболочка и пустая сердцевина – фальшивка! Просто фальшивка, учащая жить, сочувствовать и любить. Но как может учить любить то, что само не ведаёт ни любви, ни сочувствия? Нет ничего более жестокого, нежели то, что мы имену-

ем обществом. И нет смысла ждать милости тому, кто отклонится от его норм, правил, придуманных толпой безумцев. Как лицемерны наставления быть самим собой... Нужна великая сила, чтобы противостоять бездумной и равнодушной волне, смывающей все на своём пути и признающей только себя одну. Но как же все-таки важно это сделать... Если не сейчас, то потом, спустя много лет, а может, веков, ты понимаешь, что это то, ради чего стоило жить, – остаться собой и оставить свой след в этой жизни. Не тот, навязанный обществом, традиционный стандарт, правильный и беспрекословный, а свой, только свой, отпечаток своей души и знак того, что ты ЖИЛ, а не существовал, монотонно переползая изо дня в день...

Глоток остывшего кофе и внезапно ворвавшееся в сознание нереально громкое тиканье часов. Не замолкая, оно всегда бесцеремонно твердит о себе.

...Эти часы, дни, минуты – все растворилось в бесконечности. И в ней, в бесконечности, – там так хорошо, так спокойно, так просто... Хочется навсегда раствориться в ней, оставить за гранью все лишнее, все, что не есть Душой. Но ставшая уже чуждой реальность неумолимо возвращается к бегущему прочь сознанию, напоминая, что время идет. И рвущаяся в небо душа жалобно стонет, покорно спускаясь к земле. Спускаясь, чтобы исполнить прихоти плоти.



Рассказ без названия

Палящее летнее солнце заставляло чувствовать себя слегка разомлевшей и замедляло шаги двух стройных ножек по горячему желтому песку. Медленно бредя вдоль берега, она любовалась ровной морской гладью, искрящейся и переливающейся в лучах слепящего солнца.

В безоблачном голубом небе раздавались привычные крики чаек... Ничто в мире не способно затмить красоту этого божественного первозданного рая.

Ласкающие кожу порывы теплого июльского ветра, развевая волосы и обдавая тело горячими потоками воздуха, уносили прочь все мысли о житейских невзгодах, оставляя лишь чувство чистого, ничем не омраченного наслаждения. Прикрыв глаза, она полностью растворилась в блаженстве, наслаждаясь жизнью и вкушая давно забытый, сладковатый и слегка пьянящий привкус счастья.

Ей так хотелось навсегда остаться среди тех, кто жил в этом сказочном месте, не понимая глубины подобного дара. Почему люди не ценят то, что имеют? Они воспринимают это как должное и всю жизнь они чего-то ждут. Ждут, что в один прекрасный день появится добрая фея и подарит им рай на золотом блюде. Так они и умирают с этой безумной мечтой в сердце, так и не поняв, что этот рай всю жизнь был совсем рядом. Слепленные жаждой счастья, они не видели этого самого счастья, которое было так близко...

Шагнув вперед, она позволила теплой воде омыть её разгоряченную кожу. Испытывая невероятное наслаждение, она неторопливо брела в воде, рассекая ровную морскую гладь.

О, сколько бы она отдала за возможность

каждый день вот так приходить сюда, плескаться в чистой синей воде, слушать крики чаек и время от времени раздающиеся гудки паровозов, белым пятном контрастно выделяющихся на синей морской глади, загорать на горячем желтом песке, отдавая свое тело во власть палящих лучей знойного летнего солнца. Обхватив колени руками, сидеть на берегу и, склонив голову, любоваться далекими зелеными островками, мечтая однажды попасть на один из них. Или же просто бродить вдоль берега, наслаждаясь этим прекрасным миром природы. Здесь она переставала существовать и одновременно становилась Всем. Воздушной морской пеной, прибывающей к берегам прекрасных городов, белоснежными айсбергами, ароматом цветов и могучим пронзительным ветром. Становилась раскаленным песком необитаемых островов и прохладными брызгами водопада. Она становилась частью первозданного рая, еще оставшегося на нашей Земле.

Это место подарило ей счастье. Оно вернуло ей неповторимую прелесть жизни, открыв новый мир и уведя от невзгод. Оно помогло ей понять, что жизнь прекрасна, и найти её смысл. И за это она его полюбила.

Вечерело. И ей пора было возвращаться. Возвращаться в мир суеты и людских проблем. Город звал к себе.

В последний раз окидывая взглядом заходящее солнце, скрывающееся за потемневшей морской гладью, она неторопливо поднялась с остывающего песка и медленно побрела прочь.

А в небе раздавались привычные крики чаек...



Мария Цемах

Студентка группы ТМ01-1, родилась 16 апреля в 1984 году. Первые стихотворения написала еще в школе. Во время учебы в ДГМА работала в редакции газеты «Академия», где были впервые опубликованы ее стихотворения и первые рассказы. Принимала участие в олимпиадах по техническим предметам.

Сегодня – менеджер по потребительскому кредитованию «Правэксбанк».

Маскарад

Будьте прокляты тесные стены
И ненависть – наш порок
Ведь мы же все с вами тленны
И всем уготован свой срок
Зачем ненавидим так люто
У принципов на поводу?
И так прощаем скупое
Как будто бы платим мзду?
Зачем мы копаем ямы
И точим на всех ножи?
Словно все мы генералы
И жалеем, что нет войны
Объясните мне причины
Неужели это нужда?
Или это наши нивы
И не видно их конца?
Неужели мы все Иуды
И проклятиям нет конца?
Я устала слышать стоны
И смотреть в глаза подлеца
Так давайте снимем маски
И покажем свой истинный взор
Не будем сгущать краски
И портить палитры тон.

Снова...

Снова вскрыты сердце, душа
Тонким скальпелем,
Лезвием бритвы.
Снова вскрыты тобой
И кричат –
Пересошим ртом шепчут молитву.
Снова тела струна
Натянулась, опять, до предела
Рвется.
Снова ласки твои
По проводам,
Нервам голым бьются пульсом.
И сознание снова летит туда,
В космос твой,
Опять сгорает.
Снова чувства танцуют, не боясь,
В ярком пламени
Пепла свечного.
И опять успокоится тихий аккорд
На рассвете
Ярким объятьем.
И застынут снова
Любви слова
Угасающей, нежной улыбкой.



Умереть от ожидания,
Захлебнуться тишиной.
Ожидая минуту прощания,
Потеряв от встречи покой.
Доверять свою хрупкую душу
Телефонным проводам,
Ожидая взглядом бездумным
Беззвучной трели звонка.
Под легкими слезинками,
С неба сорвавшихся вниз,
Сама рыдаю разбитая
Над встречею двух сердец.
Смотрю улыбкой безумною
На свой же безмолвный крик.
Сама когтями длинными
Терзаю бездумный стих.
И кто поверит задушенным
Без капли крови словам?
И кто гуляет безудержно
На своих же похоронах?!
Кто узнает, что нет выбора,
Если два пути впереди,
Кто будет искать выгоду,
Видя смерти глаза по пути?
Кто найдет бездыханное тело,
И будет давать совет,
У кого давно накипело
И от копоти не видно свет?
Кто найдет силы подняться
И взглянуть правде в глаза,
И как же не задыхаться,
Если страшно душит слеза?..

Что-то тонкое,
Совсем невесомое
То томится,
То рвется.
Все мечется.
Улетаю куда-то.
То трескается
Паутинкою хрупкою облако
От нежных твоих,
Легче дыхания,
Поцелуев летящих,
Касания.
Яркие искры –
Бабочки
Очень быстрые,
Словно ласточки,
Пожирают все:
Мысли памяти.
Разгорается,
Как на паперти.
Вспышка, всплеск,
Ветра легкий порыв,
Глаз лукавый, смущенный блеск –
Тихий мотив.
Но не кончено.
Дикий тела крик,
Растревожено –
В тот же ритм.
И неважно:
Солнце или луна.
Непонятно уже:
Где ты, где я.
Неустанно,
Беспрерывно,
Трепетно,
Осторожно,
Так нежно
И бережно,
Не тайком –
Уверенный ход,
Звука тон
От душ и тел нот.



Алла Абрамасыева

Студентка АПП-03-2 ДГМА. Увлекается дизайном, современными танцами.

О своих поэтических опытах говорит так: «Я понимаю, что представленные стихи ещё далеки от совершенства, но в них – моя душа, мои мысли о жизни, мои мечты».



В свой мир уйду.
Вот сон подкрался, я достичь мечтаю
Далёкой, неизвестной мне звезды.
Но облака меня не отпускают
За двери атмосферные Земли.
Но если я засну, то всё возможно:
Сквозь облака раздвину синеву
И прямо к звёздам осторожно
Сквозь океан пространства поплыву...
И тяготения закон не сможет
Помочь Земле меня остановить.
Далёкая звезда поможет
По космосу открытому мне плыть.
Она меня заманит незаметно
К себе своей прозрачностью лучей,
Окутает гипнозом метким
И притяжением полей...
И хоть глаза мои закрыты,
Но через веки вижу я
И чувствую зари попытки
Вернуть и разбудить меня...
Я расстаюсь с прекрасным миром,
Невидимым, хоть весь он на виду,
И наяву, во сне или в бреду
Я осторожно в день сегодняшний бреду...



Я не люблю застеклённых балконов.
Они похожи на клетки в неволе.
Сквозь тусклые стёкла и пыль на бетоне
Вас солнечный зайчик не побеспокоит...
А я люблю, чтобы настезь окна!
Чтоб свежий ветер играл занавеской,
И чтоб Млечный путь, что звёздами соткан,
Спускался к балкону дорожкой небесной...
Я не люблю закрытые души:
Там всё расчётливо, скупое и скучно.
Конечно, так жить безопасней и лучше,
Но душу держать взаперти – это душно!
А я люблю, чтобы настезь души,
Чтоб был искренен смех
и честны намеренья,
Чтобы не предал тот, с кем ты дружишь,
Чтоб верить ему без границ и сомненья.
Но в душу открытую плюнуть легко, –
За этим не нужно ходить далеко...
И как мне придумать определитель,
Что скажет: «Тот – друг;
тот – завистливый зритель»...
И как поселить дружбу, радость и счастье
В доме моём, с окнами настезь!?



Читая роман «Мастер и Маргарита»

Добро и зло. Любовь и смерть.
Беспечной жизни круговерть...
Что истина – вино на дне стакана?
Бог или Дьявол победил в романе?
И кто из них одержит верх во мне самой
И в людях, что считала я друзьями,
И в том, единственном, что
предназначен небесами,
Кто так же одинок среди толпы людской...
Хочу я верить в то, что царство
истины наступит,
И станут «люди добрые»
действительно добры...
Кто прав, кто виноват,
один лишь Бог рассудит,
А если нет – поможет Повелитель Тьмы...
Ведь Свет и Тьма не могут разделяться.
И самый светлый человек
отбрасывает тень...
В ночи находит утомлённый день,
Чтоб победить – приходится сражаться...
Стать Мастером иль преданно любить,
как Маргарита,
Не опуская головы – вперёд
смотреть открыто,
Не зная, что значит глаз родных укор немой
И не во сне, а наяву найти покой...
... Как в омут прыгаю
в людской водоворот...
Меня несёт назад, но я плыву вперёд.
Боюсь, не хватит сил! Отчаянье берёт!
Но вдруг протягивает лапу Бегемот...



Счастье – проснуться от птичьего пения.
И – в море, как в Вечность,
без тени сомнения...
Чтоб брызги морские смешались со смехом,
И горы откликнулись радостным эхом...
А потом, от восторга немея,
Запустить прямо к солнцу бумажного змея.
Или в лес за грибами пойти
Ранним-преранним утром...
Растормошить его, разбудить
Разноголосым ауканьем...
А, может быть, счастье – забраться в сено
И, глядя на облака,
Мечтать о чём-то большом, как Вселенная,
И голубом, как река...
Ведь для счастья немного и надо:
Чтоб верный друг всегда был бы рядом,
Чтоб не было горя, подлости, мести.
И чтоб приходили лишь добрые вести.



Ночь. Звезда летит над крышей.
Глядя на неё, я слышу
Зов планет, Вселенной... Тише!
Можете спугнуть его...
Космоса прикосновение
Унесёт меня в забвенье.
Я забуду утомленье,
Тяжесть тела моего.
И гляжу, не отрываясь,
Я на небо и не каюсь,
Что не сплю сейчас. Пытаюсь
Я понять сиянье звёзд.
И ответить на вопрос:
Кто же там, в другой Галактике
Тоже пристально, внимательно
Смотрит в небо сквозь года
Световые на меня?



Юлия Байракова

Студентка гр. МС 03-1.

Пишет стихи со школы. Печаталась в газете «Академия», а также любит посвящать и дарить стихи близким людям на особые даты.

Юля говорит, что лучше всего писать в дороге, глядя в окно на проносящиеся мимо безумно прекрасные пейзажи. А т.к. ездить приходится часто, то муза никогда ее не покидает.

Живет танцами, стихами и театральным творчеством.

Танец души

Биение сердца, стук каблучков
Высвобождение из оков.
Наши тела погрузились в ритм танца,
И мы потеряли чувство пространства.
Больше нет никого, только ты и я,
Наш танцпол освещает луна.
Танго, румба, самба, сальса
Между нами разжигают пламя.
Пламя любви и пламя страсти.
Это безумие не в нашей власти.
Танец – это сильнейший наркотик,
В его объятьях я жалкий заложник.
Зависимость эта не отпускает меня,
Я снова должна окунуться туда.
В небесах порхаю, мелодией дышу,
Я, словно в сказке, танцем дышу.
Грация, пластика – это искусство,
А тело – лишь способ выразить
свои чувства.
Мы в танце страсти вместе кружимся,
Словно осенние пожелтевшие листья.
Нас мелодия ветра в мгновение подхватит,
И волшебное чувство безумством охватит.



Сон

Ночь окутала все пеленой.
В этот миг ты, увы, не со мной.
Между нами сейчас километры,
Но твой голос я слышу сквозь ветви.
А твой взгляд мне подарит луна,
Ведь она сближает сердца.
Звезды будут сиять для нас,
Чтобы скрасить разлуку в сей час.
Ветерок – проказник, распахнет окно
И подарит телу твое тепло.
Вдруг откроется дверь,
И ты скажешь: «Поверь,
Я пришел за тобой,
Чтоб увести за собой.
Туда, где нет проклятья и зла,
Туда, где нет печали и горя,
Туда, где солнце садится за море».
Не задумываясь, иду за тобой
В мир иной, где нет суеты.
Просто так наши боги хотели,
Чтобы рядом со мной был ты.
И пусть это всего лишь сон,
Но я верю, что сбудется он!



Судьба

Я, словно крылья мотылька,
Лечу на пламя огонька.
Он так манит и так играет,
На свет коварно завлекает.
А я наивно так порхаю
И о твоём тепле мечтаю.
Но так опасно это пламя,
А я лечу, о том не зная.
Мой разум потерял покой.
Я быть хочу только с тобой.
Мое сердечко замирает,
Когда тебя в толпе узнает.
Но редко вижу я тебя –
Нас разделяют города.
И мне сочувствуют друзья,
Но не отчаиваюсь я.
Мы будем вместе навсегда,
Ведь ты и есть моя судьба.

Я хочу...

Я хочу быть первой и последней страницей
той книги, что ты читаешь.
Я хочу быть хоть половиной
Того, о чем ты мечтаешь.
Я хочу стать солнышком в небесах,
Чтоб согреть в своих лучах.
Хочу стать путеводной звездой,
Чтоб освещать твой путь домой.
Хочу стать пламенем свечи,
Чтоб глаз не смог ты отвести.
Хочу, чтоб захотел ты
Меня подальше увести.
Я хочу...
а хочешь ли ты?

Любовь...

Мне небеса подарили тебя,
Вмиг изменилась вся жизнь моя.
Я окунулась в любовь с головой
И потеряла душевный покой.
Ты в мою жизнь ворвался без стука,
И я забыла о слове «скука».
С тех пор, вне времени всего
пространства,
Мы погрузились в ритм безумный
танца.
Наши сердца стучат в унисон,
И я молюсь, что это не сон.
Всему виной безумство судьбы,
Что, словно кистью, рисует штрихи.
Ах, любовь – это дивное чувство,
Что слова превращает в стихи.



Я словно пена по морю блуждаю,
Тебя ищу в своих снах и не знаю,
Ты мой добрый ангел-хранитель
Или обычный игрок – искуситель.
В этом мире жестоком бывает:
Тот, кто любит, тот и страдает!
Но, как один мудрец рассудил:
«Кто не любил – тот и не жил!»
Пусть наука всех заверяет,
Что это химия нас привлекает.
Я буду любить вопреки всему,
Ведь я живу, потому что люблю!
Любовь воочию мы не встречаем,
Ее лишь незримо мы ощущаем.
Она подобна дуновенью ветра,
Так же желанна и так же нежна!
Свою судьбу никак не обманешь,
Любовь нагрет, и ты сразу узнаешь...



Александра Богданова

Студентка гр. СП-03-2, родилась 23 января 1986 года в городе Кировск, Луганская область. Через год переехала с родителями в Краматорск. Первое стихотворение, которое было больше похоже на сказку, сочинила в четыре года.

О любви начала писать в тринадцать лет, когда влюбилась. Тогда Александра завела дневник. Свои чувства в нем описывала стихами, чтобы если кто-то случайно его прочтает, не смог понять, что это дневник.



Цена любви

Его ты любила, но он не любил тебя,
И часто ходила за ним по пятам.
Одна ты была, а он был с другой,
А ты все страдала от боли неземной...
В подушку плакала, уроки пропускала,
И только о нем ты мечтала:
По улицам длинным что ходишь
лишь с ним.
И он тебе дарит все время цветы...
Это – глупо, и ты понимала,
И однажды забыть ты себе приказала.
Зашла ты тогда в бар небольшой,
В бокальчик тебе налили вино.
И тихо тебя кто-то сзади обнял,
Он нежно тебя поцеловал.
Ты ночью была только лишь с ним,
На следующий день провела
ночь с другим...



Я спешу купить валентинки
Подругам и друзьям,
Я трачу деньги на открытки,
Но не люблю 14 февраля,
Мне надоело делать вид,
Что этот праздник дорог.
А в пожеланиях любви
Не вижу – смысла, толку.
Я ненавижу третий тост,
Когда мужчины выпивают стоя,
Хоть пью его всегда до дна,
Я думаю: «А стоит?»



На небе звезды горят огнями,
И звезды сцену собой украшают,
Загораются и гаснут огни,
Вверх поднимаются, падают – вниз.
Ввысь – легко подняться,
Ступень за ступенью оставлять позади...
Но как на вершине такой удержаться?
Как не упасть с такой высоты?



Я хотела тебе сказать
Пару слов, пару фраз.
Я хотела тебе сказать,
Что я жду тебя и сейчас,
Что забыть я тебя не могу,
Ночью думаю о нас,
И все так же, как раньше, люблю!
Может, дашь мне последний шанс?



Ты мне сказал: «Наши встречи стали не те»,
Ты хочешь закончить их поскорей.
Предложил мне остаться друзьями,
Только что под дружбой ты понимал?
Я не знаю.
Мы теперь друг для друга – никто,
И для тебя я не значу – ничто!
Для тебя я стала чужая,
Но мне тебя не хватает.



Твоя игра, твои слова,
Моя обида, моя слеза.
Твое «прости», твое «прощай»,
Я не держу тебя, ты знай!
И вот я в комнате одна...
Твоя игра, а боль – моя.





Вадим Журавков

Родился 16 января 1984 года в Харцызске. Вскоре переехал в Краматорск, где с отличием закончил ОШ №35. В детстве в большом количестве читал книги, занимался балльными танцами, шахматами, волейболом, боксом, карате... Большое влияние оказали занятия в театральном кружке Пастернаков. Поступил в ДГМА на специальность «Информационные технологии», сейчас учится на 5-м курсе.

Будучи романтиком, Вадим со всей юношеской пылкостью переживал Разлуку первой любви, и, как результат, в

2002 году, во время ночных дежурств на автозаправке «Гефест», родились первые его стихотворения.

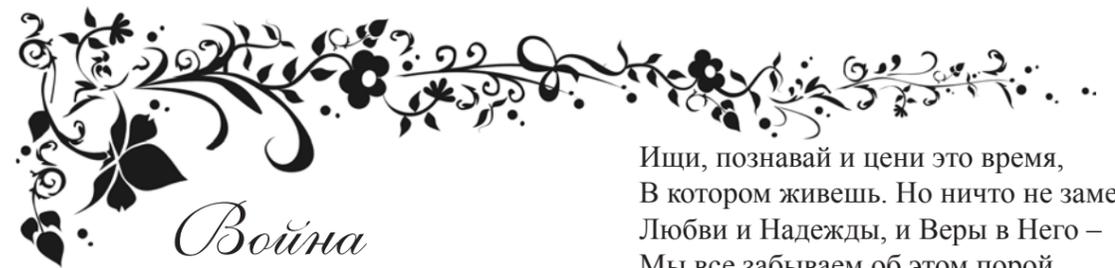
Шепот памяти

Рождается день, завершается ночь,
Я гоню от себя мысли грустные прочь.
В ярком свете лучей растворяется яд,
Яд печали, тоски, и исчез этот взгляд
Глаз бездонных твоих. Свет далёкой звезды
Бьёт в лицо моё вновь. Умирают мечты,
Не умрёт лишь любовь. Та любовь,
что сожгла
Моё сердце и душу, пусть ещё не дотла...
Но в молитве устало прошу об одном:
Чтоб не мучила память.

Только в небе ночном
Прозвучит крик души – и растает в лучах
Солнца, алых и тёплых. И снова молчат
Переулки вдали. Ветер рвёт в клочья дым,
Шепчет мне свысока, замечает следы,
Что оставила ночь, ночь без сна и покоя.
Где-то там, далеко бьётся сердце родное...

Ода спорту

В тебе наша жизнь,
Наших мышц напряженье,
Дыханье свободы и сил.
Вперед! Не дрожи
И отбрось все сомненья:
К вершине – и ты победил!
Здесь слабым не место –
Бурля и вздымаясь,
Энергия бьёт через край.
Оставь страха бездну,
Вперед, не скрываясь, –
Мгновенья победы познай!
Здесь все на пределе,
И кажется только,
Что силы оставят тебя.
Не думай о теле,
О боли, ведь в спорте
Приносишь ты в жертву себя.
И спорт – твоя жизнь,
Твоих мышц напряженье,
Дыханье свободы и сил.
Вперед! Не дрожи
И отбрось все сомненья:
Ты сильный – ведь ты победил!



Война

Мне снилось, началась война,
То было страшно – люди гибли.
И клич победного «ура!»
Не слышен боле – сердце стынет.
Овраг разбитых душ, сердец,
Все как во мгле – не видны лица,
Солдат упавший – не боец,
Грохочут танки – тьма ложится
На разум воинов-слепцов,
На их вождей – что вы творите!
Опомнитесь!.. Не слышат слов
Их души черствые. Очнитесь!
К чему вам ратные дела,
Кому нужна вся боль и муки
И та ужасная война,
К чему несчастья, плач и звуки
Рыдания сирот и матерей
По не вернувшимся из боя,
Проклятия врагов, друзей,
Постигших всю ненужность крови.
Мне снилось, людям наплевать,
Что полночь близится внезапно.
И стало жутко мне опять,
Ведь ясно – нет пути обратно!
Задумайтесь! Уже пора
Хоть что-то сделать – кто очнулся
От безразличия и зла,
Я закричал – и вмиг... проснулся...

Воззвание

Так хочется слушать, так хочется быть,
Не хочется вниз по течению плыть.
Теченье зажми в кулаке беспощадно –
Душе станет легче, отрадней, прохладно.
И мысль под контролем, и силы внутри,
Ты даже не думай, назад не смотри.
Ты только сейчас – то, что было и будет
Прошло или пройдет – мир тебя не забудет.
Оставить хорошее в этом сейчас
Так важно и нужно – не только для нас!

Ищи, познавай и цени это время,
В котором живешь. Но ничто не заменит
Любви и Надежды, и Веры в Него –
Мы все забываем об этом порой.
Так чувствуйте – верьте, надейтесь, любите,
Но только хоть каплю себя сберегите!
Пытаюсь бороться с собой,
Хотя это все бесполезно,
И снова осмеян судьбой,
И снова ныряю я в бездну.
Любить – не влюбляться – мой рок –
Ведь я не прошу подаянья,
И в тихом безумии строк
Надолго хватает дыханья.
Не страшно быть брошенным вновь,
Не страшно терпеть эти муки –
Воздастся сторицей Любовь,
И странно услышать те звуки,
Что плачем зовутся, в себе,
Я сильный – к чему же все это,
Зачем доверяться судьбе,
Страдать, как Ромео с Джульеттой.
Любите! Но только тогда,
Когда ваше сердце подскажет,
И пусть хоть на миг иногда
Любовь вам дорогу укажет.

Великому учителю

Ты спишь уже, любимый мой учитель,
Тем сном, что поражает нас навек.
И какова теперь твоя обитель,
И где душа, великий человек?
Наш мудрый Шейман, ты учил подумать,
Искать чудесной физики закон,
Которую любил... да что там думать,
Ведь я и сам был в физику влюблен!
Ты стал для нас светилом в тьме незнания,
Зажег пылающий огонь в сердцах
Любви к учебе, жажды всепознания,
Блестевшей ярче звезд в твоих глазах.
Так спи спокойно, милый наш учитель,
Тем сном, что поражает нас навек.
Ты сделал все! И милует Спаситель –
Твой ученик – великий человек!



Андрей Мошук

Родился в Краматорске 6 марта 1988 года. Учится в МК ДГМА. Круг интересов – скейтбординг и другие виды экстремального спорта, фото/видеосъёмка, игра на гитаре (электро), вокал (безголосый), поездки по городам Украины (в планах – поехать в ближайшее зарубежье).

Занимался рисованием. Занял второе место на городском конкурсе плакатов, посвящённом Дню борьбы со СПИДом.

Стихи печатались в газете «Академия».



Я тихо прячусь под гладью воды,
Я остаюсь наедине с собой.
Во мне застыл весь безобразный мир,
Который, как и я, когда-то был живой.
И я проклял его в себе,
Я подавил себя внутри него.
И я достиг гармонии на миг.
На миг, где ни меня нет, ни его.
И вот я всплываю на дно,
Пока в венах льётся ртуть,
Чтоб ещё раз взглянуть на него.
И, возможно, назад всё вернуть.
Только я, обновлённый смертью,
На всю спину раскрывший жабры,
Выжигаю кислотным бредом
Недостойные жизни кадры.
Я взрываюсь фонтаном страданий,
Чтоб умыть усталые лица.
Чтоб проникнуть в каждую пору
И солёной слезой пролиться.
Ты бежишь впереди всех.
Ты безразличен к раскалённым углям.
Ты, несомненно, хочешь первым придти
Туда, куда не знаешь сам.
Яркий свет в конце туннеля
Может, согреет, а может, сожжёт.
Может, подарит минуты прозренья.

А может, безумия – наоборот.
Но кайф отпускает прямо на гвозди,
И мозг отвергает тебя словно яд.
Ты лезешь на стены, загибаясь от боли,
Уже не способный вернуть всё назад.
Забудь себя, сотри изнутри.
Того, кем ты был – давно уже нет.
Осталась лишь жалкая оболочка
Души, что искала ненужный ответ.



Знаешь ли ты, как
Жить и ненавидеть.
Держаться нежно зубами,
Желая укусить.
Тянуть за собой по жизни
Тот самый, свинцовый камень.
Повиноваться приказам,
Мечтая отомстить.
Разорвать бы в части,
Но сшиты воедино.
За месть тогда придётся
Жизнью своей платить.
Ты даёшь мне жизнь.
Побег невозможен.
Приговор ужасен:
Я – твой паразит!



И кончилось смутное время,
И двери в сознание открыты,
И я, как всегда, погибаю один,
Не зная о том, что ты...
Тебя поглотил шумный город.
И вряд ли я буду рядом.
И то, к чему мы стремились всю жизнь,
Течёт в моих венах ядом.
Но страсти горят все ярче,
Ведь в каждой секунде – счастье.
И память вернет хотя бы на миг
Мельчайший осколок радости.
И мысли порвут пространство,
И кровь забурлит внезапно,
Не согласившись верить в то,
Что все ушло безвозвратно.
В дрожащих руках билеты,
И поезд летит стрелою,
И все провода гудят лишь о том,
Что я должен быть с тобою.
Каких-то 700 километров –
Возможно, дорога к раю,
А дальше – ещё миллионы людей.
Найду ли тебя – не знаю...



Я нервую, я паникую
Я б'юсь у конвульсії!
Я скриплю зубами,
Я машу руками,
Я – божеволію!
Я курю все, що можу,
Я кручу головою,
Щось сталося зі мною –
Я не бачу виходу!
Я не бачу входу,
Скрізь самі уроди,
Ідесь серед них я –
Допоможіть!
Я розриваюсь на щастя,

Сую голову в пашу,
Затуляю очі
Брудними долонями!
Я щось зробити маю,
Але стою і вагаюсь
Зробити крок
В безодню!
Візьми мене за руку,
Візьми мене за ногу,
Візьми мене за душу
Зніми напругу!
Нерви душать мозок,
Я втрачаю розум,
Введіть мені два грами
Спокою!
Я дивлюсь на тебе,
Я дивлюсь на себе,
Я дивлюсь на небо –
Не рятує!
Мені потрібно те,
Що потрібно мені,
А може й не потрібно –
Спробую!
Плющить і тарашить,
Тягне й розриває
Головою в стелю
Знов і знов!
І тече навколо,
Й заливає очі,
Висихає страхом
Моя кров!
Залиш мене тут,
Або візьми мене туди,
Де одвічний сон,
Де нема нічого,
Там, де нема нікого,
Де одвічна тиша –
Залишаю тіло –
Летимо вниз!



Наталья Журик

Студентка группы ТМ-05-1. С семи лет начала писать стихи, так как именно в них может отобразить реальную борьбу сердца и разума с чувствами, которые царят в душе.

Принимает участие во всевозможных литературных конкурсах: «Я вірю в майбутнє твоє, Україна», «Пам'ять серця», «Краще – дітям». И надеется, что ее стихи нужны людям.



Где ты, братишка? Где ты? Не знаю.
С кем-то воюешь иль мирно живешь?
В жизненных буднях сама утопаю,
Но все же, надеюсь, что скоро придешь.
С самого детства ты был, словно рыцарь!
В мире иллюзий казался святым!
Всем помогал, мечтал, веселился...
Впоследствии же ты остался немым.
Немым к горю, к боли, к семейным заботам,
И все это словно пришло в один миг!
В сердце свое закрыл ты ворота,
Оставив в душе отчаянья крик!
Все испарилось – и нежность, и ласка,
Все унесло, будто ветром. Куда?
Тьма наступила, закончилась сказка,
И в глазках твоих теперь пустота.
Поссорился ты не с кем-то, с собою.
И думаешь, что само все пройдет,
Но ненависть ты не заменишь любовью,

Если не растопишь в сердце ты лед.
Сними пелену с очей своих ясных!
Я знаю, ты добрый, ты лучший из всех!
Борись! Не сдавайся!
Средь будней ненастных
Верни себе веру, терпенье, успех!
Любовь и поддержка моя с тобой рядом,
Увижу, что трудно – всегда помогу.
Усыплю заботой тебя, словно градом.
Уверенность в завтрашнем дне я верну.
Ты только борись, я прошу тебя, братик!
Прошу, не ступай ты обратно во тьму!
Подумай о дочке, о жизни, о маме,
Борись, без тебя я прожить не смогу!
Придет тогда день, мы забудем о ссорах,
И будет вновь вместе вся наша семья.
Забудем о боли и наших раздорах,
И лишь улыбнемся: ты, мама и я!



Люба Шелтон

Родилась в Якутске. Но вот уже 17 лет проживает в Украине, в городе Красный Лиман Донецкой области. Учится в группе МО04-1 ДГМА.

Мир поэзии и прозы, весьма увлекательный, открыла для себя в 4 года, научившись чтению и письму. Тогда же впервые попробовала сочинить стишок в качестве подарка маме на 8 Марта.

С 13 лет занималась в поэтическом драмтеатре «Одиссей». Тогда же начала писать. Одновременно с этим стала журналистом школьной газеты «Печки-Лавочки» и печаталась в местной газете «Зоря».

В Академии по сценариям Лили в Творческой и Литературной гостиных ДГМА проводились такие вечера, как «День писемності української мови», «День вывода войск из Афганистана» и «Пам'яті Т.Г.Шевченка». Печаталась в газете «Академия».

Мамь

– Ой, бабушка! Давайте, я вам помогу! Что ж вы сама-то и такую тяжесть? – озабоченно затараторила Татьяна Михайловна, увидев, как старушка тащит какой-то мешок, сгорбившись от непосильной работы.

Татьяна Михайловна была замужняя женщина лет под сорок. На вид она была довольно хороша собой: невысокая, стройная, с густыми каштановыми волосами, которые обрамляли ее лицо мягкими локонами, одета просто, но со вкусом. Особенно завораживал взгляд ее темно-зеленых глаз – живой, пронизательный, он будто излучал свет.

– Ох, донечка! Спасибо тебе, миленькая!.. Благослови тебя Господь! – старушка перекрестилась. – Пойдем, дорогушечка, тут уж и недалеко осталось. А я вот думаю: дай-ка я муки на зиму куплю – буду коржи печь, а то, знаешь, пенсии и на хлеб не хватает. Получу, бывает, а потом – за свет, за уголек да дровишки, а что останется – тяну... От и несу я мешок-то аж от рынка... Кабы не ты, доченька, видно, и не донесла бы. Силы-то уже не те!..

– Да что же вы так, бабуленька! А что ж вам детки, внуки не помогают?

– Ой, доню... – старушка тяжело вздохнула, махнув куда-то неопределенно рукой.

Татьяне Михайловне стало неловко. Чтобы не обидеть и не задеть за живое, она решила ни о чем больше не спрашивать. Минуту они шли молча.

Женщине до слез было жаль смотреть на старушку: истоптанные башмаки, заштопанная юбка, изношенный платок, худое высохшее тело, лицо, некогда красивое, было изборозжено морщинами, смуглые, заглубившиеся от тяжелой работы морщинистые руки были измучены артритом. Неужели же старость должна быть такой?!

– Ну, все, пришли. А как тебя величать, деточка? – спросила бабушка, немного отдышавшись.

– Таней, бабуля.

– Красивое имя, серьезное. Ну, а я – баба Соня, когда-то – Софья Игнатьевна... – произнесла она с веселой усмешкой. – Ой, родненькая, как же тебя благодарить-то, а? – спохватилась вдруг бабушка в сильном волнении.

Ласково погладив ее руку, Татьяна Михайловна мягко произнесла:

– Бабушка Соня, милая, не нужно меня благодарить. Вот если бы вам действительно чем-



нибудь помочь... А так!..

– Ан нет, Танюша! Иной раз и мужик подойдет, глянет, да и пройдет мимо. Вишь, народ у нас теперича такой: уж больно каждый своим горем страдает, а до чужого – будто и нет на свете никого, окромя себя самого! Что уж и говорить, когда свои ж детки...

Внезапно старушка спохватилась:

– Ах, деточка! Не обижай старуху, загляни-ка ко мне! Я уже не помню, когда у меня гости в последний раз были. Заходи, родненькая! Давай, я тебя хоть борщиком угощу – я такой борщ варю, какой ты, милая, отродясь не пробовала! – лепетала бабка Соня, радостно сияя.

Татьяна Михайловна с улыбкой последовала за ней во двор.

– А мешок клади прямо тут, красуня, – добавила бабулька, указывая на ступени крыльца.

Во дворе вокруг дома росли груша, вишня, яблоня и абрикос, стволы которых белели от мела. Узкая тропинка вела от крыльца к колодцу, за которым в чистом, ухоженном огороде подрастали овощи. И повсюду благоухали, радуясь солнышку, самые разнообразные цветы.

Несмотря на свой убогий вид, маленький домик, как снаружи, так и внутри, был похож на кукольный: все было выбелено, выкрашено, тщательно прибрано. Войдя вслед за старушкой в дом, Татьяна Михайловна сразу же обратила внимание на поразительные тепло и уют, которыми здесь все дышало. На подоконниках крошечных окон стояли горшки с цветами, в вазочке на столе, накрытом чистой расшитой скатертью, – колоски пшеницы с сухими цветами физалиса, в углу – образок с лампадой, на стенах – черно-белые снимки.

– Бабушка Соня, а кто на этих фотографиях? – не удержалась от вопроса Татьяна Михайловна, смущенно улыбнувшись, в то время как Софья Игнатьевна накрывала на стол.

– Вот этот черноглазый офицер – муж мой – Царство ему небесное! – погиб в Беларуси еще в сорок третьем. Девица с косами рядом – эт я сама. – Видимо, на бабушку нахлынули воспоминания – ее лицо вдруг просияло, морщины будто разгладились, вмиг она словно помолодела!

Между

тем, она продолжала:

– С детства мы с Максимом вместе были. Оба сироты, и росли, и учились вместе, а там – и полюбили друг друга. Семнадцать мне было, когда он меня за жену взял. Скоро уж и Никитка на свет появился. Да недолгой наша радость-то была... Все война, проклятая, забрала, изничтожила... Максим на фронте убит был, а я произвела на свет Божий Сашку и Ниночку, двойняшек. – Старушка вздохнула. – Тут-то и начались мои беды, Танюша. Да ты садись, кушай, не стесняйся, деточка! А то за моими баснями и просидишь, не солоно хлебавши.

– Спасибо, Софья Игнатьевна! Мм, очень вкусно! Я и вправду не пробовала такой борщ никогда!

– То-то же, дорогая!

– Да вы рассказывайте, бабушка Соня. Может, хоть легче станет.

– Добрая ты душа, Танечка! Дай Бог тебе счастья, но никогда – таких горестей, какие выпали на мою долю! Сначала, в сорок четвертом, мой Никитушка умер от воспаления легких. Ох, как я тужила за ним, как места себе не находила! И жить-то не хотелось! А виновата ж сама: пока на заводе, хата настынет, и топить некому!.. Но хоть младшенькие мои живы и здоровы остались. Ради них и жила... Уж как я их берегла, как заботилась, нянчилась с ними! Трижды чуть на тот свет не отправилась, все для детушек моих было: и одеть, и обуть, и прокормить... А выросли – так оба в учебу подались, уехали от меня по городам... Изредка только за необходимым наведывались. Как грамоте обучились – так я им уже в тягость стала – стыдились они меня, понимаешь. А я-то что? Ну такая уж я есть – не профессор, не инженер, не учитель – что с меня возьмешь? Я уже пыталась за книги взяться, читала поэтов всяких, да, видно, не понимала чего-то. Каждый раз, как скажу что-нибудь из книги, шутили Ниночка с Сашенькой надо мной, а бывало, и серчали. Да я-то не обижалась: молодые они еще, не все понимают. Что ж мне наука? Мне главное,



чтоб они счастливы были, довольны... Потом, помню, Саша в Екатеринбург уехал...

При этих воспоминаниях лицо бабушки Сони омрачилось, в глазах застыли слезы.

– Больше я и не видела его, сыночка-то моего... Ни адреса его не знаю, ни телефона. Последняя его весточка – это письмо, которое он передал мне через Ниночку. Там он написал, что обзаводится семьей и остается в Екатеринбурге, а домой его больше не ждать... Попрошался и просил не обижаться...

При последних словах голос несчастной матери дрогнул, и из глаз полились горячие слезы.

– Ой, Сашка, Сашка! Женился – без благословения, без обычаев, мать родную на свадьбу не позвал! Горе мне, горе!.. А Ниночка рассказывала, что и детки, и внуки у Сашеньки уже есть. Ох, Танюша, я ж и не видела их ни разу!.. Хотя бы фотоснимочек!..

Расчувствованная Татьяна Михайловна спросила:

– А Нина? Она же вас не оставила?

– Ой, Танечка. Дочка моя в начальстве большим – с самими министрами за одним столом кушает! Хлопот у нее, забот – видимо-невидимо! Да и в семье у нее не все ладно. И муж хороший, и живут не бедно, а деток-то нету. В молодости все некогда было, а теперича – близок локоть, да не укусишь...

– Это как же так получается, – возмутилась Татьяна Михайловна, – сама в роскоши утопает, а родной матери даже хлебом не поможет?!

– Да что ж я, Ниночку винить буду? Не виновата она, это Эдик, муж ее, – как невзлюбил меня, так и запретил ей и видаться со мной, и звонить, и писать, – какой уж там помогать!.. Главное, что счастлива она. Это для матери наибольшая радость. А сама-то ты – мать?

Татьяна Михайловна улыбнулась:

– Да, бабушка. Сын у меня, Артемом зовут. Взрослый уже, школу заканчивает.

– А... Ну дай Бог, дай Бог...

– Бабушка, милая, – спохватилась

Татьяна Михайловна, – а вы музыку

любите?

– А как же ж не любить-то, дорогая? Я, бывает, как заслышу по радиу любимый мотив, так аж приплясывать начинаю, да!

И обе женщины засмеялись.

– Так вот, Софья Игнатьевна, у меня к вам предложение: приходите к нам в гости в эту субботу.

Лицо старушки вытянулось от удивления. Между тем, Татьяна Михайловна продолжала:

– Мой Артемка на аккордеоне играет, а муж – на скрипке. Думаю, вам понравится. А там посидим за чашечкой чаю, поговорим по душам. Поверьте, – спешила заверить Татьяна Михайловна, – у нас дома вам все будут рады, бабуленька.

Пока Татьяна Михайловна говорила, выражение лица бабушки сменялось от удивленного, задумчиво-мечтательного к растроганному. В конце-концов она внезапно вскочила, поспешно подошла к женщине и, плача, взяла ее руки в свои и стала их целовать. Ошарашенная, Татьяна Михайловна вскрикнула, обнимая бабушку:

– Что ж это вы, Софья Игнатьевна, делаете?! Это не вы мне, а я вам руки целовать должна! С раннего детства я была лишена материнской любви и ласки. Я даже не помню своей мамы! Никто не читал мне сказок, не пел колыбельных, не готовил мне завтраки, не проводил на занятия, не нянчил моего сыночка... А те неблагодарные, у которых было все и даже больше, отвернулись, покинули, бросили свою родную, единственную, одинокую, беспомощную!.. Свою МАТЬ!..

– Ох, девочка моя, Танечка, милая, как тяжка материнская доля!..

Обнявшись, они еще плакали.

...Позже, стоя у ворот и провожая взглядом молодую женщину, Софья Игнатьевна тихо прошептала: «Спасибо Тебе, Господи, что услышал мои молитвы и послал мне в утешение дочь на старости лет. Так дай счастья ей и ее семье, в которую она взяла и меня. И, Боже мой, не забывай моих Сашеньку и Ниночку!.. Знаю я, что любят они меня... и... обязательно вернуться...»



Екатерина Жигалова

Поэзией увлекается с раннего детства – первое свое стихотворение написала в 5 лет. В школьные годы занималась поэзией в кружке «Дома пионеров». Все стихи прорабатывались в редакции газеты «Краматорская правда». Печатались и в журнале «Настенька».

В студенческие годы училась в МК ДГМА и продолжала писать стихи: написала гимн колледжа и много других стихов и песен. За активное участие в жизни колледжа директор МК ДГМА Макуха А.Н. вручил специальную премию.



Любовь

Я утром проснулась,
А мир был чужим,
А может не мир –
Просто ты стал другим.
Всё – как обычно,
Всё так, как всегда,
Но сердце разбито,
И в нём пустота.
От боли не скрыться,
В любовь не сыграть.
Сказать «разлюблю» –
Значит просто солгать.
Сказать, что простила –
Правду сказать.
Любви невозможно
Глаза завязать.
Любовь окрыляет,
Любовь дарит свет,
В любви нет обиды
И злобы в ней нет.
В любви есть прощенье.
В любви доброта,
Любовь – это дар,
Что с тобой навсегда!

Сны

Я встретила тебя случайно.
А может быть, и вовсе нет?
И в жизни ты моей нечаянно
Оставил свой прозрачный след.
Как ветер буйный, ты ворвался,
Всё вмиг перевернув кругом,
Потом исчез, и лишь остался
Ты в сердце тихим холодком.
А я ждала, ждала – вернёшься,
Надеялась, что ты влюблён.
Что ты любовью безрассудной
Был безнадежно окрылён.
Ждала тебя, как травы мая.
Ждала, как люди ждут весны.
Я снов с тобой ждала, как чуда,
Надеялась я лишь на сны.
Ведь в них ты был, как я хотела,
Таким, какой ты раньше был,
Где ты любил, где я любила,
Ты никуда не уходил.
В глазах твоих горели звёзды,
И сердце говорило только – «Да!»
А наяву уже намного проще,
Тебя я не увижу никогда!



Я не вернусь

Не думала и не гадала я,
Когда в ту комнату просторную вошла,
Что человек, который улыбнулся так,
И есть мой самый злейший в мире враг.
Он враг не мне, а сердцу моему,
Которое навек я отдала ему,
Которое он в руки взял беспрекословно
И на пол бросил, сделав очень больно.
Он в сердце моё ураганом ворвался,
Разрушил там всё и в разбитом остался.
Разрушил мечты и оставил лишь страх,
Боязнь, что влюблюсь, и опять будет так.
Но годы пройдут, и мы встретимся снова.
Он мимо пройдёт и не скажет ни слова.
Посмотрит, любя, ну а я улыбнусь.
Шепнёт мне – «Вернись»,
только я не вернусь.

Снег

Мы шли с тобой по зимней мостовой.
И фонари нам освещали путь,
А я дрожала от мороза и любви,
Шла и боялась на тебя взглянуть.
А перед нами падал первый белый снег,
Такой же мягкий, чистый, как любовь,
Ты на меня смотрел, не отрывая глаз,
А у меня от этого сворачивалась кровь.
Моя рука была в твоей руке,
И нам не страшен был мороз зимой.
Ты на меня смотрел, не отрывая глаз,
Шептал мне «Ты моя!» – «Ты мой!»

Рябина

Ты посмотри – рябина за окном.
Хоть и замёрзла, но какого цвета,
И кажется, что вся земля кругом
В пальто пуховое и белое одета.
А снег кружится невесомо и легко,
А я совсем одна в такую стужу,
И пусть ты от меня уехал далеко,
Зато рябины цвет мою согреет душу.
Те кисти, что под инеем дрожат,
Хранят тепло твоей любви опасной.
Ты от меня уехал далеко,
Туда, где нет рябины красной.



Марина Тинкук

Студентка группы ТМ01-1, родилась 19 ноября 1983 года. Первые стихи написала еще в школе. Участвовала в поэтических конкурсах, в конкурсе «Если бы меня выбрали президентом». Принимала участие в олимпиадах по техническим предметам.



Хочу найти тебя снова,
Обнять и к сердцу прижать.
Сказать всего одно слово –
Люблю. И с тобой дышать.

Губами ищу твои губы,
Глазами ловлю глаза,
Руками беру твои руки,
А на руках – слеза.

Блестит эта капелька света,
В ней желтый кусочек солнца.
И, теплой рукою согрета,
Она как живая бьется.

В ней крик о пощаде сердца,
Мольба о спасении души,
Печаль, затаенная дверца,
Чтоб выход найти – ищи.

Пройди ты дорог паутину
И серую пыль забот.
Сумей одолеть рутину
Своих ежедневных невзгод.

Найди ту одну дорогу,
Которая к счастью ведет.
И преодолей тревогу.
А слабость твоя уйдет.

Я снова искать тебя буду.
По лужам бреду как в бреду.
Тебя никогда не забуду
И снова тебя найду.



Душа без света – все равно, что тень.
Она – как комната без окон,
Как серый обгоревший пень,
Где призраком блуждает кто-то.

Душа без света – все равно, что пыль.
Как рама, что уже без позолоты,
Как небылица, сказанная в быль,
Как мрачное, прогнившее болото.

Душа без света – все равно, что дым,
Как будто свечка ночью без огня,
Как будто ангел, что не стал святым.
Как жизнь моя, в которой нет тебя...



Быть собой

Как нелегко собой остаться,
В людской толпе не потеряться,
Не смыть все краски на других,
Не стать чужой среди своих.
Не улететь с порывом ветра
Кусочком серенького пепла.
Не стать безвольным, слабым, томным,
Не быть больным, ленивым, темным.
Найти себя и быть собой –
Тобой не может быть другой.
Но самым лучшим быть собою,
Своей прекрасной стороною.
Ту тоненькую грань найти,
Идти по своему пути.
Ведь каждый хочет быть другим,
Казаться в жизни не таким.
Ведь мелкий хочет быть глубоким,
А низкий хочет быть высоким;
Уж рвется в лидеры безликий,
И незаметным стал великий;
Большим малюсенький казался,
Огромным малый прикидался.
Проблемы этой долгий век –
Она стара, как человек,
Протяжна, словно бесконечность,
Верхушкою уходит в вечность.
Да, долго будем мы решать –
Другим или собою стать.



Что наша жизнь? Кто даст ответ?
Монах мне скажет: суета сует;
Астролог скажет: черед планет,
А цветовод: прекраснейший букет.
Кассир: в один конец билет,
А пиротехник: взрыв и свет,
Влюбленный: с милою рассвет,
Блаженный: доброта в ответ,
Советчик: правильный совет,
Беспечный: счастье много лет.

У каждого есть свой ответ,
Но вот единственного нет.
А жизнь – лишь миг, мгновенье,
бесконечность,

Это секунда, канувшая в вечность.
На фоне миллионов лет она,
Как та пылинка, вовсе не видна.
Она и тьма, она и свет.
Был каждый прав, кто дал ответ.



На широких просторах, где ветер гулял,
Дуб могучий с развесистой кроной стоял.
Сколько гроз повидал на своем он веку,
Сколько бурь, сколько молний
пришлось старику,
Сколько раз грозный
ветер обрушивал шквал,
Ливень корни топил, землю здесь вымывал.
Как бунтующий зверь беспокойно ревет,
Так стихия бушует, и мечет, и рвет.
Мощный ствол в урагане бросало не раз.
И огонь загорался в ветвях каждый час.
Но он все пережил – бури и ураган,
Сушу, ливни, снега, дождь, огонь и буран.
И, казалось, ничто уж не сломит его.
Он смог выдержать все.

Но не снес одного...

Часто именно мелочи губят людей.
Так и дуб. Поселилась в нем пара червей.
Хорошо знают дело свое. Каждый час,
Каждый день точат дерево. Дятел не спас.
Уж поникли листочки. Зачах великан,
Лишь стоит голый ствол как
больной истукан...
Но другою весной над корнями, что вбок,
Вдруг покажется маленький,
гордый дубок...



Дмитрий Приведенюк

Родился 12 марта 1985 года в г. Новоград-Волынский Житомирской области. В 2002 г. Принимал участие в школьном сборнике юных поэтов «В стихах я чувствую полета вдохновенья». Стихи неоднократно печатались в газете «Академия».

Красота

Лишь новый день зарей занялся,
От ночи отряхнувшись чар,
А я глядел и любовался
Твоей работой, друг гончар.
Комочек глины брал ты в руки
И красоту мечтал создать.
Мельканье рук. Дыханья звуки.
Ком мертвый начал оживать.
Нелегким был твой труд гончарный,
Но пыл тебя не покидал.
Не раз в отчаянье коварном
На землю глины ком бросал,
Бросал – и новый в руки брал,
И вновь творил чудесный гений.
И вазу дивную создал,
Но стоила она волнений!
Заката свет проник в лачугу,
Твое творенье осветил.
И я скажу тебе как другу,
Меня ты очень удивил.
Не красотой дивной вазы,
Она – лишь отблеск красоты
Комочка глины, что чумазый
Бросал на землю в злости ты.



Світанкова ніч

Скрізь тиша рання. Все живе ще спить.
Сіріє шлях в обіймах світанкових...
А хтось із далеку шляхом біжить,
То хто біліє в променях ранкових?
То Жінка. Боса, зморена життям,
Летить самотнім птахом в невідоме.
В очах лиш біль. Вона шука дитя,
Своє дитя. Старенькі руки ломить:
„Дитино! Пташко! Сонце! Схаменись...
Ти де? Озвися, щастячко. Не чую...
О де ж ти є?! Скоріше ж повернись!
Не треба, не лякай мене старую...”
Жіночий плач мов крик душі святої,
Та в тиші рветься, наче ніжна нить.
О доле зла, ти завжди будеш злою,
Допоки Мати цим шляхом біжить.
Її дитя усе не йде з війни:
Героя вража куля зупинила,
Він ще живий загинув у вогні.
А Матері у те повірити несила.
Нема вже, Жінко, сонечка твого,
Воно зайшло, вже не вернеться, ні.
А серце зранене все жде його,
І біла постать тане в даліні.



Емігрантка

А як їй заздрили, бувало,
Самотній пташці без гнізда.
„Вона ж бо там!” – усі казали.
Усім не видима сльоза.
А як їй заздрили, бувало!
Ті темні люди, бо вона
Між розкоші чужого краю,
Ви чули, чули ж бо – жила.
А як їй заздрили, бувало!
Хіба ж то, Господи, життя,
Коли душа не забувала
І так просила забуття?
„Забудь, забудь, моя щаслива...
Поглянь нарешті навкруги...”
Але хіба забудь можливо
Ті неповторні береги.
„Забудь, забудь...” А як, скажіть!!!
Вони ж їй сняться уночі.
Квітуча вишня ніжні віти
Лишає на її плечі.
„Забудь...” А пісня солов’їна,
Перетремтівши в вишині,
До неї пада, мов пір’їна,
Мов крила зраненій душі.
Нема, немає їй спокою.
А рідне небо синє-синє,
Воно їй змахує рукою,
Й вона, мов птах, до нього лине.
Нема, немає вже для неї
Тепла коханої землі.
Лиш в снах те щастя золотее
Чомусь не полиша її.
Нема нічого... Серцю мало
Того щасливого життя.
А як їй заздрили, бувало,
А як їй заздрили, бувало!
А як їм заздрила вона.

Листья

Я завидую вам,
Вам, упавшим к ногам.
Кто б услышал такое!
Вы упали с небес,
Словно проклятый бес,
Не противясь, и даже без боя.
Отличились ли вы?
Без почетной борьбы,
Звона яростной стали,
Тихо падая вниз,
Самый сладостный приз
Просто так, ни за что вы достали.
Как был бы я рад,
Если б ласковый взгляд,
Эта добрая сила,
Так коснулась меня,
Ярким светом горя,
На мгновение путь осветила.
Как желает душа,
В этой жизни спеша,
В этой гонке за болью,
Теплоты чьих-то рук,
А не тягостных мук,
Поменяться с упавшими ролью.
И обидно вдвойне
Простоят в стороне,
Наблюдая награду,
Не по праву молчат
И не в силах сказать
То, что, выплавав, выкрикнуть надо.
Эх, осенняя грусть,
Бесшабашное «пусть»,
Дай немного надежды.
Чтобы понятым быть,
Чтоб, упав, не остыть
Как, бывало, случалось и прежде.
Вот забавная жизнь –
Тут посмей удержись.
Цель – любимые руки.
Желтым листьям у ног
Я завидовать смог,
Когда ты подняла их от скуки.



Алиня Загориченко

Студентка группы МС03-1 ДГМА.

Пишет стихи с 7 лет. Первое стихотворение, про ежика, который съел коржик, написала вместе с бабушкой.

Тематика разнообразна.

Печаталась в газетах «Школьный вестник», «Восточный проект», «Академия».

Любит переделывать песни на студенческую тематику. Переделки звучат на многих мероприятиях Академии, а также на мероприятиях межвузовского уровня.



Ночь

Холод, грусть, одиночество, мрак...
Тонкие иглы впиваются в кожу.
Дрожь, увы, не проходит никак,
Да и вряд ли пройти она сможет.

Тишина давит так, что мне слышно,
Как, замедлив свой трепетный ход,
Бьется сердце, последние выжав
Капли крови... стоит... вздох – идет.

Всё плывет, всё смеется и свищет.
Воздух горький, горячий, тяжелый.
В тишине слепо выход он ищет,
Но задёрнуты в комнате шторы.

Ночь своей темнотою пугает.
Что же ждёт, разрываясь, душа?..
Первый луч долетел... Всё! Светает.
Снова вздох. Как же жизнь хороша!



Луна плыла над головой,
Сверкали звезды в небе томном,
Казался мир таким огромным
Для двух, повенчаных судьбой.
Шептали листья отрешенно,
Манила ласкою заря,
Сверкали в зареве огня
Два сердца, верою зажженных.
Пшеницы теплые колосья,
Ласкали нежно слух и кожу.
И все казалось им возможным,
И было все легко и просто.
Лишь ощущение того,
Что все пройдет, не оставляло,
И ночи было слишком мало
Для понимания всего.
Луна плыла, плыла куда-то,
То там, то здесь срывались звезды,
Теперь уже, наверно, поздно
Решать, что «нужно», что «не надо».



Мы не ценим, увы, что имеем
И порою не видим, как вдруг
Те надежды, что в сердце лелеем,
Навсегда замыкаются в круг.
Что казалось вчера очень важным,
Не имеет значенья сейчас.
И друзья, и любимые даже
Мало значимы часто для нас.
Не задумываясь, обижаем,
Не спешим мы прощенья просить,
И лишь только когда потеряем,
Лишь тогда начинаем ценить.
Ни весна, ни цветы, ни рассвет
Не заставят уже нас не спать...
Нам сказали, что выхода нет,
Мы решили его не искать.
Ищем в жизни свою мы жар-птицу,
А идем, только под ноги глядя.
А вокруг безразличные лица
И чужие недобрые взгляды.



Любить...
Как больно
и как сладко пылать в аду
горящих глаз.
Обжечь себя немой догадкой
и смысл раскрыть летящих фраз.
Увидеть небо
и сорваться,
разбить о камни сердца крик,
заснуть,
а ночью пробуждаться,
спутив на воду сонный бриг.
Томиться вечною загадкой,
искать путь к истине
пропащей...
Любить так больно
и так сладко...
И чем больнее,
тем все слаще.



Не учите нас жить – мы не дети,
Слишком рано познали мы зло.
Наши души не детством согреты –
Оно в мир грез и сказок ушло.

Люди сеяли зло на планете,
А оставили нам пожинать,
Не учите нас жить – мы не дети,
Нам предписано взрослыми стать.

Не судите о нас строго, люди,
Разве хочется с детством прощаться?
Ведь уже в жизни детства не будет,
Резко будем теперь улыбаться.

За ошибки родителей детям
Суждено и самим зло нести.
Восстанавливать правду на свете,
Но ведь как зла следы замести?

Югославия, Кавказ, Чечня...
Мы за это теперь все в ответе.
Отступить нам назад уж нельзя.
Не учите нас жить – мы не дети!

Мы не дети, хоть часто нам снится
Небо, радуга солнечным летом.
Но, увы, детство не возвратится,
Не учите нас жить – мы не дети!

Мы остались одни на планете,
Но не хотим поддаться беде.
Не учите нас жить – мы не дети,
Мы не дети по вашей вине.



Сергей Евдокимов

Родился 30 октября 1987 г. в семье шахтёра. Закончил ОШ №99 города Макеевка. Сейчас – студент ДГМА, специальности «Информационные технологии» Факультета автоматизации машиностроения.

Детство Сергея прошло в живописном посёлке Нижняя Крынка, который расположен на берегу реки Крынки.

Считает, что к творчеству побуждают высокие и светлые чувства, такие как любовь, оптимизм и неугасаемая вера в людей.



Осколки детства впились в грудь
И оживляют мою память,
Ах, как мне хочется уснуть,
Чтоб хоть денёк у жизни занять.
Шурша ногами по листве,
Бежать стремглав за паутиной
И ломтик хлеба на костре
Испечь на тонкой жерди длинной.
Иль сев на свой велосипед,
Упасть и, издрав колени,
Бежать за голубями вслед,
Или стоять в футбольной «стенке».
А может, в прятки вечером
Играть весёлою гурьбою,
Да в сад за яблочком тайком
Сквозь лаз, ночи седой порою...
Ах, как мне хочется уснуть,
Но жизнь не дарит нам реванша –
Закрыт в тот Рай навечно путь:
Увы, не будет больше шанса,
Чтобы вкусить тот сладкий плод,
Увы, нет в мире этом средства.
Уплыл от нас заветный плот,
Что мы зовём с улыбкой – «Детство!»



Белый лист

Передо мной на письменном столе
немым вопросом белый лист бумаги
В раздумья погружён не первый раз.
Я чувствую себя волшебником и магом,
Но не могу начать рассказ.
Хочу я описать все чудеса природы:
Стихии мощь и ласку тишины,
И пенные морские воды,
И трели нежные весны.
Хочу я описать всю силу знаний,
Творения людей, что замерли в веках.
Героев, что не знали колебаний,
Всех тех, кому не ведом страх.
Хочу... Проходит час за часом,
И понимаю, чтоб шедевр создать.
Мне подбирать такие нужно фразы,
Чтоб мой алмаз брильянтом смог бы стать!



Букет сирени

Взращенный майскою грозой
Букет сирени многолистной
Сорву сегодня, Ангел мой –
Для Вас, о лучик нежно-чистый
Души моей. А в небе гром,
И ливень, искосью по крыше
Стучит. Да, знаю я о том,
Но к Вам иду, его не слыша.

Ведь два светила для меня
На этой льда теней планете,
Что греют с жаждою огня:
То Солнышко и Вы. Букетик,
Возможно, ручка не торкнёт –
С улыбкой скажете – «Не стоит...»,
Но трепет в сердце верх возьмёт,
И те слова от слуха скроет.

И лишь улыбку взгляд найдёт
В бесценную душе награду,
И тело к звёздам вознесёт.
Скажите, большее мне надо?!
Мой Ангел, знаю, для меня
Сердечко Вы навек закрыли,
И, может, не наступит дня,
Чтоб приговор свой отменили.

Но и за это благодарен,
Ведь в грязь не втоптан мой букет,
И шанс ещё один подарен
«Не стоит...» – слышать мне в ответ.
Вы путеводною звездой
В пучине тягостного дня
И ночи томною порою
Всегда как месяц для меня!

Луч

Луч прошёл по стеклу не спеша,
Растворяясь в золотой занавеске,
А она, вмиг замлев, чуть дыша,
Залилась в ослепительном блеске.

Стол, дремавший под тяжестью книг,
Встрепенулся от нежности сладкой.
Ну, а луч, он на том не утих
Да в тетрадь заглянул мне украдкой.

И застыл... Увлечённый стихом –
Вереницею строчек безбрежной,
Что слились с белоснежным листом
И просились всем в душу с надеждой...



Чи можна жити без України,
Коли з'явився і зростав,
І чув в садочку біля тину,
Як соловейко щебетав?!
Чи можна жити без України,
Коли із смутку й туги вас
Виводить усмішка дівчини
І настає щасливий час?!
Чи можна жити без України,
Коли хоч раз грудьми ввібрав
Богатирів тієї сили,
Що травень нам подарував?!
Та ні! Не можна, бо всихаєш,
Як та вербина без води,
Коли хоч день перебуваєш
Без неньки-України ти.



Антон Михайленко

Выпускник ДГМА. Учился в гр. ОМД01-2. Параллельно закончил специализацию «Журналистика» и стал одним из лучших корреспондентов газеты «Академия». Стихи публиковались в студенческих изданиях. Сегодня работает в ТСО ДГМА.



Бессмертие

Болят душа, болят все тело,
Везде агония одна.
Иду вперед я по туннелю,
Иду на ощупь – темнота.
Иду и пальцы истираю
О стены, пол и потолок.
И с каждым шагом кровь теряю,
Роняю жизнь свою в песок.
А тишина вокруг смеется,
Оскалив десны без зубов.
Как будто выкачали воздух,
Не слышу я предсмертный зов.
Не слышу я сердцебиенья,
Дыханье громкое свое.
Лишь боль мне говорит на ухо,
Что мое время истекло.
Что не могу давно сказать вам,
Что мы неправильно живем.
А только ручкой расписаться,
Под незатейливым стихом.

Искали философский камень,
Чтоб жизнь продлить на много лет.
А также душу продавали
Всего за несколько монет.

Все время, постигая тайны,
Всю жизнь искали мы одно –
Как бы продлить существованье.
Но как? Нам было все равно.

А выход был все время близок,
А мы не видели его.
Бессмертие – в сердцах у близких,
В душе – бессмертие твое.



Ну почему у нас все плохо,
Когда все может – хорошо.
Или осталось ничего,
Иль ничего мы выбираем,
И потому себя ругаем.
Иль в жизни надоело все,
Что составляет ничего.
Иль наша жизнь не составляет,
А только скупно забирает,
Что нам с рождения дано,
И остаётся – ничего.
Иль ничего не остаётся,
А в руки наши не даётся.
Иль не умеем мы ловить,
Чтоб стало лучше всем нам жить.

Да, теперь решено без возврата,
Покидаю я сумрак ночной.
Ухожу я на фоне заката,
Что горит как костер за спиной.
Покидаю друзей, что доньше
Я считал невозможным, увы.
Дайте шанс мне, друзья – от гордыни
И следа не увидите вы.
И вернемся мы к изначалу,
И в рассвет превратится закат.
Чтоб в донецкой степи прозвучало,
Наше гордое имя – Сармат.





Кариса Хаказна

Выпускница ДГМА, гр. УЧ-02-1з.

Участница дружеского литературного объединения «Витражи». Стихи публиковались в региональных периодических изданиях.

О вдохновении говорит так: «...Поэзия учит любить и думать сразу о многих вещах! Бывало, во время экзамена, начинаю писать рифмованные чувства, превращая их в стихи. А приходя домой, в мыслях, еще долгое время решаю неблагоприятную задачу».



Тому, в чьем взгляде
сущность мира
и смысл моей жизни...

Мои глаза найдут едва ли
Теперь когда-нибудь покой.
Мне душу к боли приковали
Надежно-преданной тоской.
Я одинокой серой тенью
Скользну сквозь стаю облаков.
Ты не заметишь, к сожаленью,
Мою печаль... Я далеко.
Так далеко, что сил не хватит
Тебе о боли прокричать,
Лишь в мимолетном птичьем взгляде
Меня почувствуешь. Стучать
Так сердце будет, что не сможешь
Без боли в небо посмотреть.
К груди ладони ты приложишь,
Пытаясь нежностью согреть
Меня, но это так нелепо –
Сквозь расстоянье ощущать
Тебя, твою любовь, как небо,
Родное небо... и молчать.
...Мое поймет ли сердце ветер,
В свои объятия маня...
Ты все, что есть на этом свете
У солнца, звезд и у меня.



Последнее

Я иду по Млечному Пути,
По последней, но родной дороге.
Не свернуть с нее мне, не сойти –
Ветер в спину подгоняет, строгий.
Я уверенно стремлюсь туда,
Где родная боль мечты не глушит,
Где вовек никто и никогда
Хоронить мою не будет душу.
Где себе не захочу солгать,
За спиной не спрячу крылья птицы.
Может, там смогу я отыскать
Светлый дом, который часто снится,
И узнать всем сердцем и душой
Прежде не знакомое мне счастье.
Где же ты, мой детский, но большой
Мир, который не испорчен властью...
Как же я хочу тебя найти!
Помогите мне, мечты и боги,
Вдаль уйти по Млечному Пути
По последней,... но родной дороге.



До боли холодно... Всю ночь
Тревожный ветер в окна бьется.
Я жду, когда Рассвет проснется,
Всю ночь...
А бледная от мук Луна
Сбежала и меня забыла,
Я у окна, как тень, застыла
Одна.
Сырая ночь в глазах... Ко мне
Не долетают снов узоры.
Приди, Рассвет, сквозь ночи шторы
Ко мне...
Как в сердце холодно... Всю жизнь
Тревожный ветер в душу рвется.
Я жду, когда Рассвет вернется –
Всю жизнь.



Жестоко судьба расписалась по венам.
Во мне догорает закат.
За мной наблюдают бессонные стены
И ночи прокуренной взгляд.
Притихли часы, мир растерянно сжался,
И в траур оделся рассвет.
Каким осторожным мне ветер казался,
Не бился в истерике, нет,
А тихо проник сквозь открытые окна
В мой мир и притих надо мной.
Впервые душа так внезапно умолкла,
Как будто вернулась домой.
Я видела раньше, как снег пролетает
Искристый, как будто живой,
Тогда почему он безжалостно тает
Сейчас над моей головой...



Поговори со мною обо мне...
Так одиноко мне стоять у края
Недавней жизни, с болью наблюдая,
Как стонут мысли в уходящем дне.

Поговори сегодня обо мне...
Лишь не споткнись о прошлую ошибку,
Ведь не догнать сбежавшую улыбку...
И каждый прав с собой наедине.

А может, лучше помолчать при всех,
Сроднившись взглядом с тусклой тишиною,
И жить, вот так, не став тебе родною,
Изображая без помех.

...Ты, как молитву, расскажи меня,
Не станет жизнь от этого короче,
Лишь я уйду вслед молчаливой ночи,
А может, в утро будущего дня.

И каждый день я Богу молюсь,
И хочу все ссоры наши разбить.
Знаешь, надежда последней умирает.
И я верю, что сможем пережить.
Все обиды моё сердце отпускает,
И постарается оно тебя любить.



Денис Хейченко

Родился 31 марта 1987 года в пгт. Александровка. После окончания Александровской школы большое желание освоить азы компьютера привело его к лицу, который он окончил с красным дипломом. Будучи романтиком, Денис переживал свою первую любовь, и, как результат, у него родилось первое стихотворение. С тех пор и началось серьезное увлечение поэзией. Вскоре он знакомится с местным редактором Ванзенко Е.А., который предложил сотрудничество с местной газетой. Именно там Денис получает свои навыки в поэзии.

В течение нескольких лет он ни разу не брался за когда-то близкое ему дело. И лишь после поступления в ДГМА на специальность «Электромеханические системы автоматизации и электропривод», уже на 3-м курсе, жизнь дала ему еще одно вдохновение и веру в самого себя.



Вулкан

Я есть вулкан, преград не зная,
Могу убить всех, умирая.
Во мне таится страх любви.
Спустись ко мне и ощути
Все, что несусь я за собой.
Это любовь, мой друг, и боль
В объятьях лавы я покорен.
Во мне есть глупь, во мне есть вздор,
Во мне есть сила ветра жизни.
Я на пику к своей отчизне.
Я с адом вместе в поле бога.
Испей вина ты с того рога,
Который носит земли сын.
В глазах польется боль и дым,
Душа раскинет силу небу,
И ты почувствуешь победу

Над тем, чего и вовсе нет.
Это природы духа бред.
Все лезут в глубь к моей уж лаве,
Пытаясь укрепить оправы,
Но забурлит во мне душа,
Буду вздыхать я не спеша.
Людам я дам все то, что им
Не даст из их души богинь.
Во время буйного волнения,
Когда душа кипит и кровь,
Во мне угаснет то забвенье,
Волнами жгучая любовь.
Я вмиг погасну на рассвете,
Когда зальется солнца жар.
Душа поднимется, и в свете
Во мне умолкнет богов дар.



Бабочки

Нездешним сном я видеть мог такое,
Когда все прелести души слились в одно.
Весь сон был словно чудо неземное,
И в нем мне было весело, смешно.

В том сне все небо и вода
Покрыты бабочками с неба.
Такое видишь не всегда,
В таком же сне никто и не был.

В раю лишь жить таким же сном
Любому хочется в мечте.
Себя напавать вином.
В нем смогут жить чудесно те,

Кто в жизни был вечно богат,
Кто в жизни был и в бедноте,
Там добрый лев вам станет брат
Летать там можно на коте.

Там все равны, чисты как слезы,
Там полна прелести душа,
Там девы все прекрасней розы.
Они порхают там, кружат.

Там весело, всюду игриво.
И бабочки парят над всем.
Там вместо сосен или ивы
Растет любовь, доступна всем.



Я пишу не понятые строки.
Я рисую мнимые картины.
Я вливаю выжатые соки.
Отвар мешая, делаю единым.

Я добавлю часть своей улыбки,
Я волью туда прекрасные минуты,
Выловлю не нужные ошибки,
И сердца невольно мной проткнуты.

Мой отвар бурлит в бездонной чаше,
Словно наша жизнь бурлится нами,
С усилием мешаю его чаще,
Медленно, не вызвать чтоб цунами.

Я добавлю чуть немного ласок
И намного больше своей воли.
Мой отвар набрался разных красок –
От любви и до безумной боли.

Скинув капюшон, снимаю ряску,
Желтый лик луны мне режет тело.
Выйду из себя, покинув массу,
И войду в отвар я этот смело.

Время охладит отвар сознанием,
А ты приди, омой отваром тело.
Последней каплей я вольюсь признанием.
Я счастлив... до заката ты успела.

Умирая

Любовь былая умирает.
Лишь те слова, что говорил...
Твой взгляд меня ведь убивает.
Ведь я тебя всегда любил!

Умру, сказав я эту фразу!
В душе держал. Как там в плену
Умру. Умру я тут же сразу.
Ведь я люблю тебя одну.

Слеза катилась, убивая
Меня, когда я это все сказал.
Любовь свою я рассеваю,
Сердце тебе я все отдал.

Умру сейчас без поцелуя,
Которого так страстно ждал.
Умру, умру и отдохну я
От всего того, чем я страдал

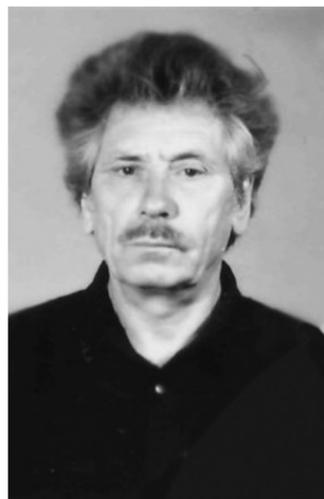
Вот видишь, нахлынула гроза.
Я все равно по тебе страдаю.
И закрываются глаза.
Ну, все, прощай, я умираю.



Продолжается жизнь

бесконечно и вечно...

Гости Альманаха



Петр Красенец

Родился в 1942 году в селе Копачи, которое находится в Чернобыльской зоне. Одно из стихотворений, посвященных родному селу Петра Красенца, было опубликовано на первой странице киевской газеты. Окончил автодорожный техникум и всю жизнь проработал водителем грузового и пассажирского автотранспорта. Но шофер – это для хлеба насущного. А для души – поэзия.

У Петра Красенца вышел интересный поэтический сборник «Кривые деревья», и готовится к изданию второй.

Стихи публиковались в газетах и журналах Краматорска, Донецка и Киева.

Опять весна на Родине моей –
Печальнее, наверно, не бывает.
Мне снится: я в лучах календарей,
Где сразу после марта – праздник Мая.

Я просыпался, снова засыпал,
Я все еще во что-то свято верил.
А он, апрель, по-прежнему метал
В меня свои невыносимые бэры.

Давай, апрель, к горячему виску,
Тащи ко мне – ни жалости ни лени.
Тащи ее – стонную тоску,
Тащи к моим плечам, к моим коленям.

Тащи ее, смертелен и кровав,
Со всею безысходной, дикой болью.
Тащи ее возами, как дрова,
И волокнистыми стогами чернобыла.

Все зааркань под черною звездой,
Все, что любил – от вишни до калины.
Плесни в глаза безжизненной водой,
Забей дыханье горечью полынной.

Я все впитаю кожей, до кости:
От гнойных язв до ядерной коросты,
Я буду эти тяжести нести
До самого забытого погоста.

Я унесу родимые места,
Их лик, бедой великой изувечен.
Пусть будет ни могилы, ни креста,
Но тем, кто послабее, было б легче.

Пусть кто-то скажет: «Так, я не нашел
В Отчизне новой тихого причала».
И что без малой Родины с «большой»
Его душа мириться не желала.

Опять апрель на Родине моей,
Печальнее, наверно, не бывает...
Мне снится: я в лучах календарей,
Где сразу после марта – праздник Мая.

Еще вчера

Еще вчера в объятьях юной гостью.
Еще вчера светился, как коралл.
Еще вчера зубами метил гвозди,
Еще вчера, еще вчера, еще вчера...

Но вот сегодня – ни гудка, ни свиста,
Торчат во льдах огромные суда.
И я бреду в заброшенную пристань.
Бреду как бредни тени, ни следа.

На пристани ни волн, ни брызг, ни пены.
Уже храпит безмолвие в портах.
А мне грозят, какого хрена – креном
Давно оцепеневшие борта?!



Последний пароход-корабль не в моде
Для тех, кто не итожит, не спешит.
Какой-то дух на этом пароходе
Меня еще пытается смешить.

Смешон слегка, походкою ковбоя
Веду за повод вьюгу, как коня.
И женщина с тоскою вековой.
Куда-то мимо смотрит сквозь меня.

Смотри, смотри, и если кто-то спросит,
И чем я так томим и кем раним –
Ответь, что слишком мало стало весен.
Ответь, что слишком много стало зим.

Смотри, смотри, печальная подруга,
На мой давно заснеженный причал...
Уже меня за повод тащит вьюга.
Но это, как ни жаль, ее печаль.

Моросит

Моросит. Ни драки, ни попойки
Не зовут за окна, не влекут.
Два бомжа от мусорной помойки
Грязные лохмотья волокут.

На стене размокшая афиша,
Под стеною кошки голосят.
И знамена праздные на крышах.
Половыми тряпками висят.

На дворе ни зноя, ни прохлады,
Облака блажны, как образа.
Ну, а мне всего-то было надо,
Чтобы с неба грянула гроза.

Чтобы громы дыбили округу,
Да вонзались молнии в холмы.
Чтобы ветви с треском гнулись в дуги,
Да звенели сучья, как ломы.

Чтобы я, оглохший и ослепший,
Под поток бы ливневый попал.

Чтобы с диким криком, будто леший,
В этой грозной темени пропал.

Дождит. Сегодня мне не светит
Позабавить стынущую кровь...
Серый мрак плетет паучьи сети,
Безутешно вешая на бровь.

Не та весна

Не та весна, не тот пришел поэт,
Не те меж строк разнузданные кони.
Не тот кривой, последний санный след,
Не те из-под копыт слепые комья.

Не та весна. Не тот захлеб глоток
Спасительный, в кипящем горне горла.
Не тот поток, не тот речной поток,
Что с треском превращает в щепки бревна.

Не та весна. Не так грозит гроза,
Не та стеною ливневая темень.
Не так стегает темень по глазам.
И тень не та. Куда девались тени?!

Не та весна. От прелого гнилья
До вязкой хляби – колер искаженный.
Где прежний я? Куда девался я,
До розового сердца обнаженный?

Не та весна. Но я не о весне...
Она нагрывает к тем, кому нужнее.
Она для тех, кто проще и нежнее,
Всего-то лишь не подражайте мне.

Не та весна. Но я не о весне....



Николай Куринич

Родился 22 января 1950 года в поселке с поэтическим названием Ясногорка, что в Краматорске.

Работал в шахте, в горкоме комсомола, редакции газеты «Комсомолец Донбасса» (ныне «Акцент»). Долгое время являлся заведующим отделом культуры Краматорского горисполкома и «лицом» городской культуры.

Печатался в городской, областной, центральной печати, журнале «Донбасс».

Член Союза журналистов Украины.



Пятидесятники

Не трубите похоронных маршей —
Пусть оркестры будут для парадов.
Слез не надо — это все же страшно,
Состраданий, жалости — не надо.
Мы ведь жили звонко, без печали
И от нашего сердечного тепла —
Дело оставалось за плечами,
Даль была открыта и светла.
Нам работы вечно не хватало,
С жизнью были не всегда в ладу...
Дубль не сделать. Не начать сначала...
Стоп, мотор! — я в кадр не попаду.
Никогда нам не собраться вместе.
И прощально поднята рука...
Проводите друга лучше песней —
Он вам подпоет издалека.



Всего ничего-то до первого снега.
И солнце, как будто бы вспомнив о лете,
Однажды встряхнулось от утренней неги,
Улыбкой своей перепутав сюжеты.
И розы в окладе из первого инея,
И шорох листвы по волшебным аллеям,
И осень, конечно же, время не зимнее,
И мы в ней живем, ни о чем не жалея

Я этот день не приближал,
Но он — пришел.
Пришли друзья, заполнив зал, —
Как хорошо.
Сейчас по чарочке нальем —
И посидим.
Что было — поросло быльем,
Бог с ним.
Потом потянем по второй —
Как вечер свят!
Душе сегодня выходной —
Все ж — пятьдесят!
Вот третья рюмочка пошла —
Гусарский тост.
А у любви свои права
И свой погост.
Под песню дружную налей
Еще вина.
Что было в жизни — не жалей,
Пой, старина!
Ведь у судьбы — особый счет,
Неровен час.
А жизнь и дальше потечет...
Жаль, что без нас.



Славлю жизнь



Продолжается жизнь — бесконечно и вечно,
С диалектикой спорить — пустые слова.
...Зажигает каштан белопенные свечи,
Звезды в небе свои мастерят кружева.

Над огромной землей —
торжествует природа,
Над огромной землей снова солнце встает...
Но — да здравствуют руки,
взрастившие добрые всходы,
Но — да здравствует мысли
дерзновенный полет!

Продолжается жизнь — это было и будет,
Двое, за руки взявшись, пойдут на зарю,
Будут жить на планете красивые люди
И красивые песни за нас допоют.

Мы не станем брюзжать
— пусть торопится время!
Пусть стучат в унисон ему наши сердца!
Славлю завтрашний день
— громогласно и немо,
Славлю разум и поиск, и жизнь без конца!



Девчонки, одноклассницы мои...
Смотрю на фотографию, волнуясь...
Ведь мы же настоящие бои
Вели за вас, о королевы улиц.
И каждая была так хороша,
Что сердце разрывалось на части,
И трепетала юная душа
В предчувствии пленительного счастья.
Но вы на нас смотрели свысока —
Теперь уже не помнятся обиды.
Ведь, как бы память ни была горька, —
Мужчинского в нас мало было виду.
Конечно же, мы были пацаны —
В конце концов, пора признаться честно.
А что другие звали вас невестами —
В том вашей нет ни капельки вины.
Девчонки, одноклассницы мои...



Анатолій Каран

Народився в 1939 році. Батьки репресовані, як політичні злочинці. До 1956 року Анатолій навчався в Гусарівській середній школі. Закінчив вісім класів. Працював на шахтах Донбасу і в металургійній галузі міста Краматорська – ВАТ КМЗ імені Куйбишева. Віршуванням захопився у десятирічному віці. Друкувався в міській, обласній та республіканській пресі.

Осінній етюд

Стою. Дивлюся.
Бачу білий світ.
А він не зовсім
Ноша за плечима.
Дивлюся. Бачу
Зрячими очима
Всю низку віком
Витончених літ.
Напруження
Відчутно на собі.
Неспокій
Забирається на плечі
І селище
Кочує у добі :
То ранок черепицями,
То – вечір.
Срібляться
Розшарошені пари.
Земля, як дзвін
Високого гатунку,
Відлунное
Гармидер дітвори
У всесвіті,
Розковано і лунко.
Стою. Дивлюся.
Поруч білий світ.
Із ним і мною –
Щира йде розмова.

Які слова...
Яка глибинна мова
У низці віку
Витончених літ.
Напруження
І справді не вгава.
Завжди вагомі,
Звечора і вранці
За днями дні
Ідуть як новобранці.
Самі до них –
Аж просяться слова.
Горить багаття
Вічного щодня.
Надійна праця
Йдучому – відрода.
Вогню завжди
Замало з полиня,
Коли вітри
Задмуть із листопада,
Нехай вони
Відсліджують сліди
І сонцеграї
Висонцюють кроки.
У два крила усім
Нехай сороки
Несуть життя
Поосторонь біди.



Людині
Глянути у вічі
В мені –
Уникнути мета,
Бо і
Дивитися вже нічим :
Де очі –
Впала пустота.
Де совість
Сущністю Людини,
Там тінь
Тваринного ества.
Там розум –
Ідолом із глини
Все вироста
Та й вироста...
У дусі
Тілом животію.
Фізично
Спалюється Дух.
І не на Совість –
На Надію
Я налаштовую обух.

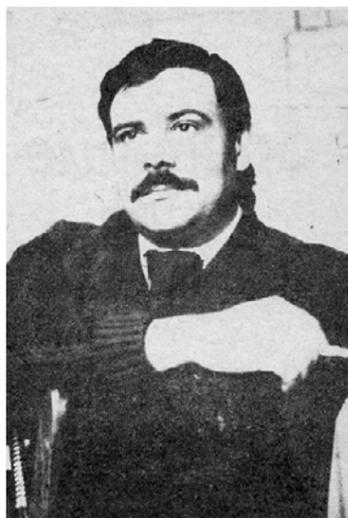
Бути людиною

Кожна стежка на довгім віку –
Мить мого каяття і гріховності.
Я щасливий за долю таку,
За життя не по суті – по совісті.
Я – щасливий. Єдиним живу:
Мною день починається сонячний.
Бачу стежку. Зелену траву...
А он там – кучерявиться соняшник.
Я живу. І цим сказано все.
Недовічне мене не стосується.
Тільки воля життя – над усе,
Це і пісня, і хата, і вулиця.
Я щасливий, що нині живу.
Наче хвиля з буремного епосу,
Підхопивши під пахви „гужву”,
Ще не знаю, куди себе винесу.
Вічно чую: зозуля кує...
А живу я не так, щоб годиною.
Та щасливий. І щастя моє,
Що не могу не бути Людиною.

Вірне

Для очей
Все вивірено зримо :
Очі є –
Не схибити ніде.
Та не всі шляхи
Ведуть до Риму.
Хто це знає,
Ними не іде.
Та не всі сьогодні
Мають «УШП»,
Не доходять
В розуми оці.
У житті
Похлюпоються душі,
Ніби
У калюжі горобці.
Для очей
Все зримо і відкрито.
Незалежно,
З поля чи плато
Стежки
Розбігаються по світу...
Скільки їх –
Не відає ніхто.

На усякій
Отакій стежині
Наші,
Вічно праведне і гріх.
Ми свої
Утопчуємо тіні
До утінень
Пращурів своїх.
Аж кричить сказати :
– Ваша ласка...
Хай йому
І блискавка, і грім!
На очах,
Хто йде сліпим –
Пов'язка.
Розв'яжіть.
Бо там, за нею – Рим.



Станислав Кобинский

Родился 6 июня 1945 года. После семилетки окончил Славянский химико-механический техникум. Служил в Советской Армии. Потом работал технологом на заводе «Славтяжмаш», на комсомольской работе, в славянской, а затем в краматорской газетах. Окончил Украинский заочный политехнический институт. Член Союза журналистов СССР.

Печатался в периодической печати, в том числе в журналах «Советский воин», «Молодая гвардия», «Радуга», «Донбасс». Печатался в четырех поэтических сборниках издательств «Донбасс» и «Молодая гвардия». В 1970 году был участником совещания молодых литераторов Дон-

басса в Союзе писателей СССР.

До внезапной, преждевременной смерти 24 января 1992 г., работал ответственным секретарем газеты «Краматорская правда».

Принимаю сердечную боль
Непреложным, незыблемым фактом,
Коль она — от разлуки с тобой,
А не просто свидетель инфаркта.
Осень будет все так же гореть,
Как горела она в восемнадцать,
Только тех уже песен не спеть,
До наивности той не подняться.
Берег будет все так же далек,
Хоть с годами казался все ближе.
И костра не зажжет уголек,
И огонь облака не оближет.
А мечта...
Не прощаюсь с мечтой,
Пусть она необыденной стала —
Просто хочется, чтобы со мной
Кто-то был и рассеял усталость,
Чтоб любовь, а не отсвет ее,
Помогала отречься от быта,
Чтобы слово и дело мое
Не покоились хламом забытым.
Ах, вершина, ты так далека,

Сердце жмет, и к тебе не добраться.
А над пиком твоим облака
Вновь сливаются в хмурое братство.
Будет дождь или снег поутру,
Будет ветер холодный и теплый...
А тропинки в соседнем бору
Все бегут, словно капли по стеклам.

И снова ночь над миром тихо светит,
А я один — вокруг ни огонька.
Но вдруг твоя прохладная рука
Лица коснулась, легкая, как ветер.
И мрак погас, и вновь плеснулось лето,
И над землей проснулись облака,
Сверкнула молчаливая река,
И брызнул солнцем полный ковш рассвета...
Звенела синь листвой медноголосой,
Прощально в травах вспыхивали росы,
И медленно редела тишина.
И мне казалось — утренние птицы
Никак не могут с осенью проститься
У моего печального окна.



Мудренность фраз пройдет наверняка,
И строк моих иной коснется ветер,
И я услышу — лед крушит река,
И капли солнца стряхивают ветви.
Почувствую, как сквозь земную твердь
Подснежник к свету тянет хрупкий стебель,
Смогу глазами сердца посмотреть
На юный мир, в котором сроду не был.
Но я, впитавший книжные тома,
Ошеломлен — все ново на поверку,
Ни капли не боюсь сойти с ума
Под этим небом, неподвластным смерти.
А губ твоих весенних лепестки
Доверчивы и радостно-молчащи.
Что стоят все мои черновики,
Когда стихов полны лесные чащи.
Живую воду пьем из родников,
И сложность простоты страшит немного,
И говорится новым языком,
Который от земли, а не от бога.

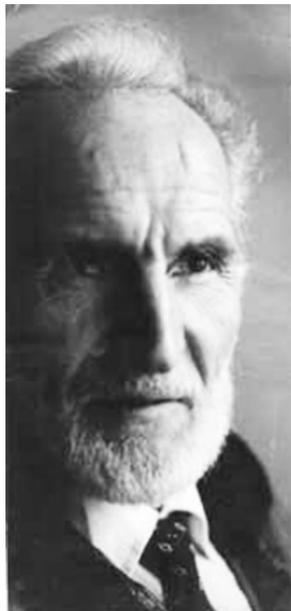
Уходящему лету

Еще одна баллада спета.
Дрожит гитарная струна...
Неповторимым было лето.
Оно одно.
И жизнь одна.
Другое будет не похожим
На эти праздничные дни.
Бывало пасмурно, но все же
Прекрасны в памяти они.
Листвы пьянящая прохлада
И голубая высота...
Немного человеку надо,
Чтобы душа была чиста:
Июльский лес, прошитый солнцем,
Неторопливый плеск волны
И свет от теплого оконца
На фоне тьмы и тишины,

И предвкушение работы,
Работы сердца и ума,
Когда сквозь мелкие заботы
Мерцает истина сама.
И ты идешь навстречу свету
И вдохновенье пьешь до дна...
Красивым было наше лето.
Оно одно.
И жизнь одна.

Жаедине с собой

И вас, наверно, сроки не щадили,
Девчонки из моих далеких дней.
Какими вы, пытаюсь вспомнить, были.
Увы, с годами это все трудней.
Друзья из детства, бывшие мальчишки,
Не избежали лысин и седин.
Вы тоже нынче молоды не слишком,
И я за бегом лет не уследил.
Нас жизнь по дальним далям разбросала,
Земных забот у каждого не счастье,
Но, возвращаясь мыслями к началу,
Я забываю, что пределы есть.
И сердце вновь работает без сбоя,
И струны нервов лопнуть не грозят,
Как будто в оборот крутой судьбою
Еще я, словно в юности, не взят.
Душа легка, а мир широк и светел.
Уже не вижу с этой высоты,
Как листья с желтых крон срывает ветер,
И гаснут в скверах поздние цветы.
Спасибо, память.
Мы сильны тобою,
Когда среди холодной черноты
Ты даришь нам и небо голубое,
И юных лет прекрасные черты.



Генрик Скворцов

Родился 19 февраля 1937 года в г. Ленинске. Когда война пришла в Сталинград, эвакуировался в с. Синенькие под Саратовом.

Там и пошел в первый класс, а окончил десятилетку в пос. Курахово Донецкой области. Далее – институт в Смоленске. В этом поэтическом крае вышли первые подборки его стихотворений в газетах «Смена» и «Рабочий путь».

Тридцать лет назад пришел в Краматорское литературное объединение. Печатался во многих заводских многотиражках, «Краматорской правде», областных, республиканских газетах, в журнале «Донбасс».

Восемь лет проработал учителем в санаторно-лесной школе на притоке Енисея, недалеко от приполярного Туруханска.

В газетах «Маяк Севера» и «Красноярская газета» вышли подборки его стихотворений. С 1984 по 1990 год вел переписку с замечательным писателем Виктором Астафьевым, которому три года назад Президент России вручил высшую национальную премию за трилогию о войне «Проклятые и убитые».

Работал преподавателем Славянского пединститута и Краматорского экономико-гуманитарного института.

Автор книги «Излучина», изданной в 1998 году, и коллективного сборника «Сила могучая – НКМЗ», вышедшего в 2004 году.

В больнице

Опять один, как перст, лежу в палате,
От всех и вся на время отстранен.
Луна – сестра в мерцающем халате –
Мой освежает зыбкий краткий сон.
Сковала боль – спаси меня, больница,
Где смерть не птица – руку протяни...
И вижу, как плывут в безмолвье лица,
Уйдя в приют последней простыни.
Но я дышу спокойнее и тише.
Уже рассвет.
И спал я, и не спал...
Я перебрал друзей, знакомых тыщи!
А кто пришёл – на пальцах посчитал.



На болоте

На ощупь, день за днем,
За шагом шаг.
Куда ж мы,
Объясните, ради Бога?
Мутится разум,
Мечется душа
На этой странной,
Путаной дороге.
Неужто не встревожит нас
Беда?
Беда соседа и несчастье птицы?...
Сад исчезает, илится криница,
И жабры рыбам выела вода.



Полночная звезда Украинскому другу

«...В небесах торжественно и чудно,
спит земля в сиянье голубом...»

М. Лермонтов

Анатолию Мироненко

Я смотрю в тархановское небо.
Надо мною Млечный вечный Путь.
Где тот уголок на свете, где бы
Смог и я забыться и уснуть?

Все белеет парус одинокий,
Непокорный и презревший рок.
Сквозь меня прошли они, дороги,
На которых был Он одинок.

В этот час, подаренный судьбою,
Мир сонатой лунною горит...
Говорю с полночной звездой –
И звезда со мною говорит.

Есенину

День дышал до последней минуты,
Жив еще переполненный пульс,
А потом развернулся круто
И – ушел...
Отоснилась Русь!

Отзвенели бубенчики-годы
Радуницей и колосом ржи,
Но не взять никакой непогоде
Эту песнь, эту звонкую жизнь!

Синих рек неумную силу
И поля, и луга не в прокос...
Я навеки влюбился в Россию
У есенинских белых берез...



Люди́лла Рыба́това

Краматорская поэтесса.



Друзья мои

Одни друзья ушли от нас,
А кто-то и о пенсии хлопочет.
И вот я вам спою сейчас
И даже тем, кто слушать не захочет!

Друзья мои давно ушедших дней,
Вы все достойны восхищенья!
И если б не было друзей,
То не было б и стихотворенья!

Нам надо помнить о живых,
Чтобы о мертвых не забыли,
И чтобы не были у друзей моих
Травой поросшие могилы!

Я вас люблю, я с вами в скорбный час,
На торжествах, на днях рожденья.
И если б не было бы вас,
То не было б и стихотворенья!

Я буду петь для милых и родных,
На вас на всех, поверьте, рифмы хватит,
Вдруг кто-то из друзей моих
Возьмет, да и мелодию подхватит!

Друзья мои давно ушедших дней,
Вы все достойны восхищенья!
И если б не было друзей,
То не было б и стихотворенья!

Краса

Твое личко рум'яне,
Твої коси духмяні.
Вони пахнуть травою,
Вони пахнуть росою.

Та іще, як світання,
Як повітря в грозу,
Я цей подих кохання
Через вік свій несу.

Я від нього тікав,
Я від себе ховався,
Та ніде не сховатись
І від себе втекти.

Тільки зараз сказав,
Тільки зараз признався,
Як же ти спромоглася
Цю красу зберегти?!

Мелкий вечер

Мы всё знаешь, звезда

Много трудных минут
Мне пришлось пережить.
По ухабам судьбы катить.
Верой, правдой служить,
И гореть, и любить,
И счастливой под звёздами быть.
Ты всё знаешь, звезда.
Расскажи мне тогда,
Где печаль моя, где беда.
Ты всё знаешь, звезда,
Расскажи мне тогда,
Где любовь моя, где судьба.
Подари мне, Господь,
Из своих закровов
Хоть одну звезду голубую,
Знаю, к счастью она.
Я не дам никогда
Ей погаснуть на быстром лету.
Ты всё знаешь, звезда...
Посмотри в небеса —
Сколько звёзд, величин.
Но люблю лишь одну тебя.
Холодна, далека.
Недоступна, горда.
Но живёт её светом душа.
Ты всё знаешь, звезда,
Расскажи мне тогда,
Где печаль моя, где беда.
Ты всё знаешь, звезда,
Расскажи мне тогда,
Где любовь моя, где судьба.

Был теплый вечер – сладкий сон,
Где вальс звучал нам в унисон,
Надеюсь, не последней встречи,
И все не сказанные речи,
И полувздох, и полувзгляд,
Где сад последний свой наряд
С любовью бросил мне на плечи!

Вечность

Слышу вдали грома раскаты,
В глади реки закачалась луна.
И не понять от зари до заката
Где высота, а где глубина.

В том измерении – застывшая Вечность,
Тишь, благодать и луна, и река.
Жизнь – это Миг и – Бесконечность,
Вот бы продлить на Года и Века

Осеннее

Рассыпаясь в пространстве,
Распыляясь лучами,
Тихо листья кружатся
Над лесами, полями.

Ветер в поле хлопочет
И щекочет рябины.
Наслаждаясь, природа,
Погружается в зиму.

Хороводы из листьев,
Расписные метели.
Где зеленые рощи,
Соловьиные трели?!



Анатолій Мироненко

Народився 25 квітня 1937 року в селі Росава Миронівського району на Київщині. Закінчив Росавську семирічку і миронівську СШ №1, а також Горлівській державний педагогічний інститут іноземних мов. Служив солдатом, офіцером-перекладачем, учителював, працював методистом екскурсійного бюро, різьбарем по дереву, сторожував, був безробітним. Нині проживає в м. Слов'яногірську Донецької області на кордоні з Харківщиною. Не мав ні честі, ні безчестя належати до будь-якої політичної партії чи руху.

Перші вірші написані в студентські роки і друкувалися в горлівській газеті „Кочегарка”. У 1970 році зусиллями КДБ була знята з виробництва перша поетична збірка поета „Колір щастя”. Через вісім років у видавництві „Донбас” з допомогою поета Григорія Кривди та прозаїка Костя Тесленка побачила світ невеличка збірка його віршів „Росава”.

В подальшому через відмову співпрацювати з КДБ А. Мироненко практично ніде не друкувався. З проголошенням незалежності поет отримав деяку можливість спілкуватися зі своїми читачами. Його твори почали з'являтися в журналах і газетах Донеччини, Харківщини, Києва, а також в Канаді, Австралії, Англії, Санкт-Петербурзі. У 2000 році друзі поета видали в м. Харкові другу його збірку – „Вічні косарі”. Крім поезії, А. Мироненко працює і в філософії. Він – лауреат обласної літературної премії ім. Володимира Сосюри.



Холодні зливи землю гоять,
Стара покрівля протекла,
І прозаїчно непокоїть
Проблема хатнього тепла.
Таких проблем на кожному кроці,
Як в полі диким бур'янів –
У тому році,
В цьому році –
І так, мабуть, до скону днів.
Та йдуть дощі, тріщать морози,
Січуть сніги навперехрест,
Щоб у важкім горнилі прози
Вогонь поезії воскрес.



Тіні

Бувають крони в дивному сплетінні,
А тут, внизу, одні лиш тіні, тіні.
Лиш слимаки торішнє листя ссуть,
Та гад скрутився на гнилій колоді.
І висить світла викривлена суть
Їдким туманом в прілій прохолоді.
А просурмлять на південь журавлі
І здіймуться увись над жовтим морем,
У листопад убогий шмат землі
Розродиться
Вогненным
Мухомором.



Я – Святославич Станиславу Тищенку

Я – Святославич, княжий воїн,
Прийшов до вас крізь гул сторіч,
Через нудьгу боїв і воєн,
Через безглуздя протиріч.

Я вам збирав і землі й води
І від пришельця боронив,
Аби синіли небозводи
Над жовтизною щедрих нив.

Аби виповнювались луки
Зеленим гомоном трави,
Аби сміялись ваші внуки,
А не жебрачили, як ви.

А ви, забувши власну гідність,
І власну честь, і власний ум,
По самі вуха вгрузли в бідність,
Світам навколишнім на глум.

А вам ченці в довір'я втерлись
І, мов сліпцям, допомогли,
Щоб ви самі на хрест подерлись
І Україну розп'яли.

І ваша ницість злим розбоєм
Уже сягнула булави...
Я – Святославич, княжий воїн,
Іду на ви.
Іду на ви!

Маті

Здавили горло траурні жалі,
І крізь людську присмучену алею,
Уперше відірвавши від землі,
Несли уперше матір над землею.
Через село,
Через усе село
По давньому селянському закону.
Моє невітшне горенько пливло,
І хтось казав, що вік свій прожила
Моя матуся лагідно і гордо,

І що, мабуть, за всі її діла
Годилося б бодай найменший орден,
Що мусять дешевіти ордени,
Якщо вони такі минають руки...
Салютували в небо ясени,
Чиюсь байдужість взявши на поруки...
А мати... мати світлою була,
Мов говорила:
“Людоньки! Не личить
нам дорікати живим за їх діла,
щоб мертвих оцінити і возвеличить,
бо слава мертвих вища нагород...”
І, мов на зло чийсь фальшивим славам,
В свої серця ховав її народ
І в надвечір'я плив за нею плавом.

Дерева

Чого шумите,
Ой. Чого шумите ви, дерева?
Ламає вас буря
Чи біль який горло дере вам?

Гудуть ваші крони тривожно,
Мов думи,
Мов крила,
Мов напнуті буйно
Над валом дев'ятим вітрила.

А час хуртовинить,
І вічність звиса над борами.
Чи ви ж пливете,
А чи ви стоїте таборами?

Ви горді царі
Чи гребці підневільні цареві?
Чого шумите

І чого мовчите ви, дерева?



Виктор Крупка

Пишу с 17 лет. Чуть позже научился играть на гитаре и стал сочинять песни. Со временем создал свою рок-группу «Активная Зона», просуществовавшую около 3 лет.

Работал электриком на ЦШК. Был ведущим шоу-программы «Зарой Талант» на радио «БИТ», работал тележурналистом в Краматорской информационной телекомпании. И на радио, и на телевидении серьезно занимался теорией и практикой рекламы.

В 1998 г. небольшим тиражом был издан сборник стихов «ЧЕРНЬ».



Безумный бог, с печальными глазами,
Бездумно опустынил облака.
Я землю с небом поменял местами
И пристальнозираю свысока.

Холодное безжалостное солнце
Песком течет на омертвелый лед,
Ничто не оживет, не шелохнется,
Безмолвия ничто не оборвет.

Покойный сон, бесстрастные объятья.
Дремота обволакивает высь.
Как странно рушит чары и заклятья
Над этим всем бушующая жизнь.



Ночь и август. Время звездопада
Грустью отзывается во мне.
Звезды в небе, словно листья сада,
Гаснут, осыпаясь в тишине.

Нет, не эта. Может быть, другая
Через весь огромный небосвод
Пролетит и, долго не сгорая,
Что-то уходящее вернет.



Вот оно – плывет перед глазами...
Пусть звезда исполнит мой каприз!
Гладят небо тополя ветвями,
Мягкий свет обмахивая вниз.

Сон земли от края и до края,
Тихой грустью облетает сад.
Он, прощаясь, все же обещает
Новый август, ночь и звездопад.

Летнее

Луны котенок ближе к тучам жметя.
Сырая ночь по-зимнему длинна.
Но я в твоих глазах увижу солнце,
В твоих глазах рождается весна.
Она сияет на твоих ресницах.
Пускай тебе поет ее капель!
Тебе и ей пускай ночами снится,
Как рассыпает пролески апрель!
И ты поймешь, когда раскинешь руки,
Ловя в ладони синий дождь земли:
Вернутся дни, похищенные скукой,
И каждый миг, не отданный любви.



Твои шаги. Или это слышится?
Мне очень нужно тебя обнять.
Я точно знаю, что время движется.
Я точно знаю, как больно ждать.
Вчера шел дождь, и сверкали молнии...
Все кончилось! Нету от них следа.
Они для того, чтобы мы запомнили –
Вокруг всё воздух и всё вода.
Деревья выводят слова ветвями –
Земля ведет летописный том.
Часы растворяются облаками,
Часы истекают сухим песком.
Поэтому нет красоты в прощании.
Прости, если я не умел прощать.
Я умираю в твоём дыхании,
И в нем продолжаю существовать.



Знаешь, я думаю о тебе.
Глаза твои стали моими снами.
Помнишь, как в чей-то чужой судьбе
Время стояло стеной между нами?
Другие строки, другие цветы.
Все жухло со временем, осыпалось.
В вянущем прошлом одна лишь ты
Моим белым будущим оставалась.
Но время – воздух, а жизнь – вода,
И счастлив тот, кто поймал мгновенье.
Теперь ты останешься навсегда
Моим самым светлым стихотвореньем.





Сергей Шишкин

Родился 1 января 1951 г. в х.Левадный Александровского района Донецкой обл. Краматорчанин. Окончил Донецкий государственный университет, факультет филологии. Работал в краматорских газетах корреспондентом, редактором. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор поэтических сборников «Исповедь», «Естественный отбор», «Откровения», «На грани фола».

Поэзия Сергея Шишкина имеет острую социальную направленность. И в то же время глубока и эмоциональна и не может не задевать сердца настоящих ценителей поэтического пера.

В настоящее время Сергей работает в системе охраны ДГМА, помогает молодым литераторам, активно участвует во многих культурных мероприятиях в стенах Академии.

Дорогие мои друзья!

Вот и пришли мои 55 лет.
Как говорится –
Возврата нет.
Я за эти мои годы
Не стыжусь –
Ни перед собой,
Ни перед моим народом.
Были радость и грусть.
Но главное – я однажды
родился.
И к вам явился.
Видно, Мама меня угадала.
И так трудно меня рождала
Первого января.
Думаю, что не зря...

К последнему приюту –
И то очередь.
Я спешить не буду –
Один я у дочери.

Жизнь, наверное, этим и полнится,
И такое именно помнится.
Помню, как в детстве разбил
банку сметаны.
А Ты меня и не бранила,
Мама.
Помню стихи,
что пришли ко мне сами.
И я подарил их Маме.
И помню букварь,
где я мою раму,
Чтоб в светлом окне
всегда видеть
Маму.

– Почем Стихи? –
– По девять.
– Оптом берем.
– По десять.



Опять новогоднее представление.
Желаем друг другу
благ земных.
А для Красавиц лесных –
Истребления.
Такой за нами
старый грешок –
Рубить под самый корешок.

Мы кукушку спрашивать не станем –
Ни к чему для нас ей куковать.
Мы любить и жить
не перестанем –
Значит, нам
не умирать!

Живу под именем Сергей.
Еще вчера меня дразнили:
Воробей.
Мне это было как-то без разницы,
А сегодня никто почему-то
не дразнится.
Может, что уже не порхаю,
А брежу по земле
И тихо вздыхаю...

Пусть не Сергей я
Радонежский.
Но так же пастве своей
радуюсь.
И пусть не высок мой сан –
Мне хватает моих прихожан.
И верчусь перед ними
белкою.
Поглядеть даже некогда
в зеркало.

Стрелы мои опять летят
мимо.
И пусть далеко не Мессия я –
И все же –
Даже на смертном ложе
Мне будут всего дороже –
Мама. Моя Украина.
И еще – Россия.

То ли в миру я, то ли – в мире.
Жизнь – словно сериал.
И страшно –
от собственной квартиры
Я будто ключи потерял...



Оксана Соловья



Родилась 11 июня 1984 г. в г. Краматорске в интеллигентной семье. В 1991 г. пошла в первый класс ОШ № 14. В 1992 г. перешла в ОШ I-III ст. № 18. В 2001 году поступает в Краматорский экономико-гуманитарный институт на специальность – учитель украинского языка и литературы. В 2006 г. заканчивает его с красным дипломом. В данный момент работает в ОШ № 33 учителем украинского языка и литературы

«Жизненное кредо – быть, а не казаться – девиз, который должен носить в своем сердце каждый.

Хобби – возникло случайно. Стихи, как мир, который придумываю себе сама. На душе становится теплее и светлее, когда лист бумаги приобретает очертания мечты и надежды. Стихи отвлекают от хандры и безнадёги.

Мечта – быть полезной людям. В чем бы эта полезность ни выразилась, она должна пробуждать веру людей в самих себя».

Осень

Мне бы осень бросить вам под ноги
И ее промозглости коснуться:
В пену грез холодных окунуться,
Стать бы влагой утренней дороги.
Мне бы моросить с дождем в обнимку,
Мне бы иней сумерками сеять,
Мне бы грусть осеннюю развеять,
Мне бы соскользнуть туманом в зимку.
И ознобом встрепенуться в теле
От росы, упавшей на одежду.
Сдуть сонливость на лесной валежник
И разлить надежды акварели.
Походить по берегу речушки,
Ощувив благих истоков прелесть
И ее осенний тихий шелест
Вперемешку с трелями пичужки.
Мне бы вас от участи убогой
Оградить, не дать душе увянуть.
И под блики отсветов багряных
Указать вам к истине дорогу.



Памяти Блока

Если я положу на алтарь
Символический камень надежды –
Кто, скажите, укроет в одежды
Неудачливый, серый январь?

Темный ворон летает во мраке.
Страшный мир! Отодвинул мечту,
Назовите мне истину ту,
Что губительна в жертвенной драке.

Снежный ветер дыханье мое
Перервет, заморозивши мысли.
Все проклятья над телом нависли:
Крах надеждам, в глуши бытие.

Я себя и виню, и жалею,
Крест тяжелый свой молча несусь.
Я твою, Блок, былую красу
Холю, чту, вожделенно лелею.

Ты ушел и гордыней своей
Невозможное сделал возможным, –



На столе, у окна расположенном –
Целый ворох кипящих страстей!

Жаль, что жизнь, в полумрак закатясь,
На задворках тобою блистает,
Кто-то стих твой волшебный читает,
Кто-то пасквиль строчит, суетясь.

Страшный мир! Он для гения тесен.
В нем – твоих чистых помыслов бред,
Темный морок восторженных песен
Был размазан о вихри побед.

Зимние приметы

Мне упала звезда на ладонь
Сквозь прозрачность стекла оконного,
И надежды блеснул огонь
В зимнем сумраке, инеем скованным.

Загадала желание – вдруг
Времена отойдут печальные,
Неудач бесконечный круг
Превратится в кольцо венчальное.

Причешусь гребешком густым,
Положу под постель покуда
И, в мечтательном сне застыв,
Успокоюсь, заметив чудо.

Как таинственна ночь чудес.
Как загадочны звуки вещие.
Мы – девчонки, глупышки вечные,
Спим и видим волшебный лес.

А в лесу том прекрасный принц,
Тот – единственный и желанный.
Но, проснулась... как жаль, а словно
Было видеть мир без границ.

Мне упала звезда на ладонь.
Жаль, закончилась сказка ночи.
Но мечты голубой огонь
Мне Благоую Судьбу пророчит!

«Бытие определяет сознание»

Труба зовет: «Пора, поэт, к перу!»
И я беру перо, сюжет верстаю.
Возможно, завтра рано поутру
Я новый стих кому-то прочитаю.

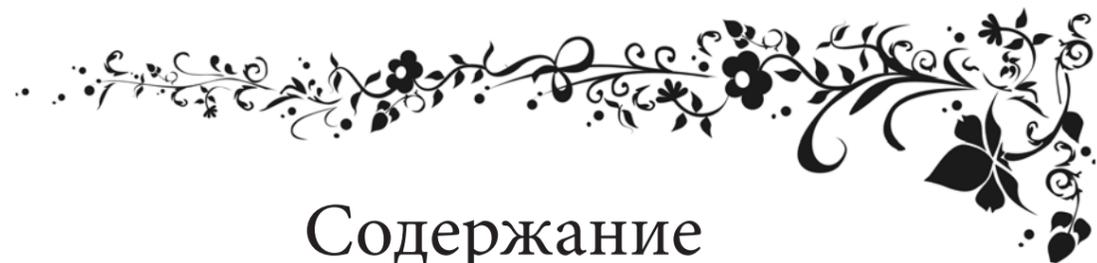
О чем писать? – Да мало ли о чем...
Добро и зло меняются местами.
И мы среди этой завирухи стали
Кто жертвой, кто слепцом, кто палачом...

Я наблюдаю жизнь такой, как есть,
Не умаляя всех ее достоинств.
Но что-то в ней неладно обустроено –
Безнравственность определяет лесть.

Я часто слышу торжество речей,
Даруемых народу «дорогому».
Но миллионы тлеющих свечей
Определяют цену по-другому.

Убог народ, поверивший словам,
Убог вдвойне – не видящий лукавства
На фоне лжи и хамства.
Доверчивость свою оплатит сам.

Я обращаю взор надежды вдаль,
Мне хочется надеяться и верить,
Что это – беспричинная печаль,
Не нужно жизнь своим аршином мерить.



Содержание

Живое слово

сотрудники и преподаватели ДГМА (КИИ)

Лариса Линева.....	10
Константин Мищенко.....	12
Борис Брусиловский.....	14
Татьяна Лукьянова.....	16
Анатолий Кибирев.....	18
Алина Остафийчук.....	22
Игорь Шередеко.....	26
Владимир Костенко.....	28
Элеонора Милявская.....	30
Сергей Головкин.....	32

Манец души

студенты и выпускники ДГМА (КИИ)

Владимир Коцаренко.....	36
Анатолий Сериков.....	40
Олег Максименко.....	42
Елена Кремянская.....	44
Светлана Калиниченко.....	46
Мария Цемах.....	48
Ася Афанасьева.....	50
Юлия Байракова.....	52
Александра Болгова.....	54



Вадим Мишаков.....	56
Андрей Моцик.....	58
Наталия Мырик.....	60
Лилия Шемигон.....	61
Екатерина Нечаева.....	64
Марина Пинчук.....	66
Дмитрий Приведенюк.....	68
Юлия Садовниченко.....	70
Сергей Евдокимов.....	72
Антон Михайленко.....	74
Лариса Наказна.....	76
Денис Немченко.....	78

Продолжается жизнь бесконечно и вечно

гости Альманаха

Петр Красенец.....	82
Николай Кулинич.....	84
Анатолий Таран.....	86
Станислав Лобинский.....	88
Феликс Скворцов.....	90
Людмила Филатова.....	92
Анатолий Мироненко.....	94
Виктор Крупка.....	96
Сергей Шишкин.....	98
Оксана Соломка.....	100

Літературно-художнє видання

Альманах муз

Вірші, есе, оповідання, огляди

(Російською мовою)

Редакційна колегія:

А. Кібіреєв, В. Медведєв, А. Остафійчук, В. Кулеш

Комп'ютерна верстка: С. Пугач

Коректор: О. Дудченко

Художник: Н. Шнурик

Підп. до друку 25.09.2008

Формат 60x84/8

Папір офсетний. Ум. друк.арк 13,25. Обл.-вид.арк. 4,82.

Тираж 200 прим. Зам.№ 197

Видавець і виготівник

«Донбаська державна машинобудівна академія»

84313, м. Краматорськ, вул. Шкадінова, 72

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
серія ДК №1633 від 24.12.2003 р.

